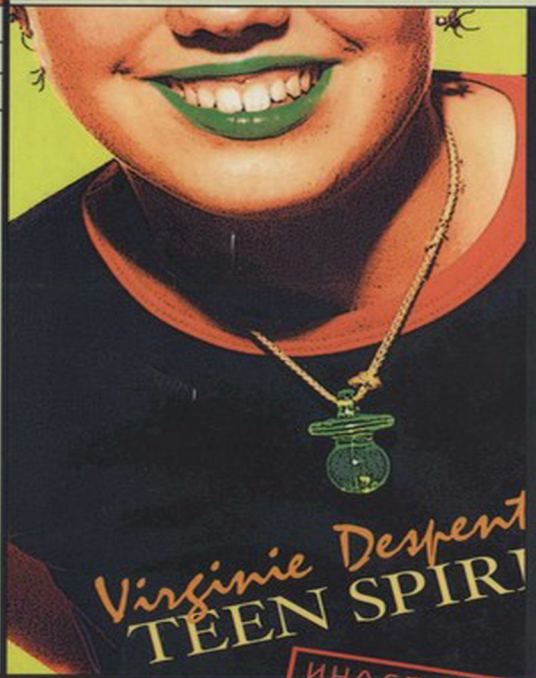
ВИРЖИНИ ДЕПАНТ

Teen Spirit

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

Литература нового века

©

9 785941 453283

ИНОСТРАНКА

0 4 2

[Меня удручило неожиданное вторжение морали в мою сексуальную жизнь. Неужели оттого, что у меня появилась дочь, я теперь превращусь в тухлого засупоненного старичка, убивающего радость вокруг себя?]

Teen Spirit
Виржини Депант

Аннотация
Виржини Депант. Teen Spirit
Часть первая. Дерево без корней
Часть вторая Отец и дочь
Часть третья. На ковре-бомбомете

Аннотация

В свои тридцать с небольшим лет Виржини Депант — одна из самых модных современных французских писательниц лауреат престижной литературной премии «Флор». Первый же ее роман «Трахни меня» (Baise-moi, 1993) произвел подлинный фурор. Фильм по этому роману, снятый ею совместно с бывшей порноактрисой Корали, упрочил ее скандальную славу. «Дрессированные сучки» (Les Chiennes savantes, 1999), где сюжеты «Трахни меня» получили еще более скандальное продолжение, — уже не один год среди лидеров продаж во Франции. Новый роман Виржини Депант — «Teen spirit» (2002) — это опять вызов обществу, вещь провокационная и предельно откровенная.

Виржини Депант
Teen Spirit [1]

Дельфине

[1] Примечания: 1

Teen Spirit *(англ.)* — букв.: подростковый дух. Отсылка к песне группы «Нирвана» «Smells like teen spirit». *(Здесь и далее — прим. перев.)*

Часть первая
Дерево без корней

А потом наступает возраст, когда начинаешь испытывать страх. Боишься всего: боишься любовной связи, боишься потерять независимость, стеснить себя; жаждешь счастья и в то же время шарахаешься от него.

Гюстав Флобер

Я курил здоровый косяк, уставившись на задницу Джей Ло[2] по MTV. Зазвонил телефон, включился автоответчик: я тогда избегал разговоров с целой кучей людей, требовавших от меня кто денег, кто переводов, за которые я получил аванс, а также с прочей публикой, норовившей отнять мое время на всякий душный треп.

Послышался приятный женский голос, стильный такой, выговор парижский, мажористый, особая манера выводить гласные и отчетливо произносить каждое слово, свойственная людям, сознающим свое право на неспешную речь и

---

[2] Примечания: 2
Американская певица и киноактриса Дженифер Лопес.

вычурную артикуляцию, — я слегка заторчал. Вообразил себе костюм, надушенные волосы, наманикюренные ногти.

— Здравствуйте, это Алиса Мартен, у меня сообщение для Брюно, — возможно, мое имя вам ничего не говорит, я…

Мне хватило двух секунд, чтобы ее вспомнить. Недавние события легко вылетали у меня из головы, зато отроческие воспоминания отпечатались очень четко. Я подскочил, как на пружине, схватил трубку и выпалил игриво:

— Алиска-Шелковый ротик, еще бы, блин, не помнить!

Я, конечно, предполагал, что моя реплика не вызовет у нее бурного восторга, но собой остался доволен. Телефон придавал мне уверенность, которая рассеялась бы при личной встрече. В тот период своей жизни — а к нему я медленно, но верно шел много лет — я начисто выпал из реала, почти два года не вылезал из квартиры и, не считая Катрин, моей подруги, не видел никого, ну разве что по телевизору. Люди сделались для меня некоей абстрактной сущностью, враждебной, но легко устранимой: я отвечал на звонки выборочно или хамил в трубку — и меня оставляли в покое.

В ответ она вздохнула так красиво, глубоко и выразительно, что я истолковал это сразу несколькими способами: «Сколько тебе лет, детка?», «Давно не трахался?» или «Не сомневалась, ты был кретином, кретином и остался».

Я не спешил продолжать разговор, взбешенный многозначительностью вздоха и одновременно заинтригованный: интересно, что ей все-таки надо? Если она не швырнула трубку немедленно, значит, тому есть причина. Пауза затянулась. Я сменил тон:

— Откуда ты узнала мой телефон? И чего звонишь?

— Встретила в метро твоего брата.

Великолепно: этот идиот раздает мой телефон направо и налево и даже не ставит меня в известность. Подлянка заключалась в том, что сам он мне не звонил никогда, даже на Рождество, даже в день рождения. Я поклялся вставить ему как следует, вот только разберусь с Алиской Мартен.

— О чем ты хотела со мной поговорить?

— Нам надо увидеться.

— Алисочка, ты душка, с тобой связаны у меня самые приятные воспоминания, но все же я хотел бы знать, что тебе от меня нужно.

Последовал новый вздох, долгий, звучный,

раздосадованный.

— Не мог бы ты все-таки уделить мне пять минут? Назначь сам место, день, час и все такое. Я тебя прошу.

Объяснять, что я не выхожу из квартиры, а тем более приглашать ее в дом и показывать, в каком убожестве я живу, мне было влом. Я постарался выиграть время:

— Послушай, я отлично помню, что ты была не только клевой соской, но еще и буржуйской дочкой; полагаю, папенька устроил тебя на хорошую работу и ты ловишь свой кусок кайфа от того, что «человечество к твоим услугам». А теперь ты пришла щелкнуть пальчиками у меня под носом и вызвать на свидание, но вообрази, у меня есть другие дела в жизни.

— Это ВА-ЖНО.

Она как будто сомневалась, что мне доступен смысл этого слова. Она меня что, за мальчишку держит? Я вскипел, но потом вспомнил, как повел разговор с самого начала: получалось, опять виноват я. Она принимает меня за сопляка, потому что таким я себя проявил. Обидно, но оставалось только пенять на себя.

Я переминался с ноги на ногу, глядя в окно: на улице дети возвращались из школы и с порося-

чьим визгом гонялись друг за дружкой.

Меня, конечно, разбирало любопытство, хотелось узнать, в чем дело, но я плохо себе представлял, как встретиться с Алисой, не выходя из дома. Мне бы проанализировать ситуацию, найти решение — нет, я лишь сокрушался, что в виртуальном пространстве мы еще новички, что не можем по своему усмотрению телепортироваться в какую-нибудь иную безмятежную биосферу и очутиться в салоне с мягкой мебелью того цвета, какой тебе по кайфу.

Я, понятно, скорее треснул бы, чем признался, что не выхожу из квартиры: воображаю, как бы она надо мной поиздевалась. По крайней мере я на ее месте не упустил бы такой возможности. А она, стерва, мало того что отказывалась объясняться по телефону, так еще — я чувствовал — нервничала на другом конце провода и произносила про себя что-нибудь типа: «Целый день думать будем? У меня, между прочим, время — деньги».

Короче, я назначил встречу в баре внизу под тем предлогом, что у меня, дескать, завал работы и, спустившись по лестнице, я уже сделаю ей большое одолжение. Она проглотила.

Совершенно ясно, она не собиралась крутить со

мной по-новой, а потому, повесив трубку, я долго чесал в затылке, пытаясь угадать, чего ей от меня понадобилось.

В итоге я снова дернул, и абсурдность взятого на себя обязательства предстала мне со всеми ужасающими последствиями: назначив свидание на внешней территории, я круто попал. Теперь придется подыскивать что надеть, смотреться в зеркало, проверять, хорошо ли я побрит, не покрылся ли за это время прыщами, не уродская ли у меня стрижка. Придется пройти мимо окошка консьержки, которую я на дух не переношу; не дай бог, она возникнет и заговорит со мной холодным тоном, а я не буду знать, что ответить, я вообще никогда не знаю, что людям отвечать. Потом надо будет переступить порог и шагнуть на улицу. Я представил себе толпу, автомобили, как все это несется, норовит меня раздавить, как все видят мой страх или еще что, и меня прошиб пот. Я вспомнил этот бар: тесная клетушка, дым, шум, народу битком, того гляди осмеют, заденут, поставят в неловкое положение… Так я паниковал минут пять, а потом сообразил: зря я вибрирую, когда можно просто никуда не ходить. Я пообещал себе предупредить ее, прекрасно понимая, что обещания не сдержу. Мне трудно

делать неприятные звонки. Я останусь дома, а когда она позвонит снизу, не отвечу. Только и всего. Прожил я тринадцать лет без Алисы Мартен и как-нибудь еще проживу. Черт с ним, с ее секретом — фигня какая-нибудь. Всякий раз, когда я волнуюсь, оказывается — выеденного яйца не стоит.

Итак, я поставил точку. Погрузившись в привычное для себя состояние мандража, я сосредоточился на сиськах Бритни и забил новый косяк.

Тут позвонила Сандра:

— Привет, что новенького?

Мы перезванивались ежедневно. Она уверяла, что страдает агорафобией, но это чистейшая ложь: она вообще хорошая притворщица. Когда ей нужно выйти, в смысле, обязательно, по работе например, она выходит, и все тут. Ну, может, было у нее два-три безобидных приступа стремопатии, только это ничего общего с настоящей фобией не имеет.

Она меня во многом раздражала, но и смешила тоже нередко.

Мы познакомились десять лет назад, она организовывала концерты в бретонской глубинке, а я тогда лабал в одной группе, туфтовой, в сущности, но вместе с тем известной. Одно другому

никогда не мешало. Сандра отвела нас в гостиницу. Прикольная девчонка, подумал я и целый вечер ее обхаживал, прикурить подносил, шуточки нашептывал, а она взяла и свалила одна, продинамила, короче. Посему еще несколько лет при одном упоминании ее имени я разражался длинной тирадой вроде: «Дура, ломака, бездарь, дешевка, фуфло». Я никогда не умел миндальничать и выказывать доброжелательство, когда говорят о людях, которых я не люблю. А слышать о ней приходилось часто: она перебралась в Париж и кропала статейки о роке. Потом мы встретились на концерте «Элагабал — Конданс» в тринадцатом округе; она бросилась мне на шею, как старому другу, и я, понятно, слегка напрягся, поскольку все это время поливал ее при любой возможности. У нее оказалась полная сумка амфетаминов, тогда они еще продавались. Переспать с ней так и не удалось, но оттянулись мы нехило. Я сменил гнев на милость, и мы подружились. Заклятой дружбой двух темнил. Я завидовал, что она печатается в газетах, которые я читаю, но при том критически относился к качеству ее статей и вообще сомневался в ее праве их писать. Я досадовал, что ни разу ее не трахнул, и в то же время испытывал облегчение — чище

получалось. Такие вот качели. Сандру моя суперрадикальная позиция «никаких компромиссов» и привлекала, и смущала: не слишком ли просто. Сандра поддерживала неизвестно откуда возникший миф, будто у меня талант, и если бы я за что-нибудь взялся, то… Такое впечатление она вынесла из наших первых встреч, когда она была еще девчонкой, а я уже чесал на гитаре и на сцене корчил из себя крутого. Для нее я остался кем-то вроде проклятого поэта, неприспособившегося, недооцененного… Данный статус меня скорее устраивал, хотя я и знал все его изъяны.

С Сандрой можно было обсуждать телепередачи, что уже немало. Уверенной в себе девице, какой она хотела казаться, не стоило, по ее понятиям, злословить обо всех подряд, и оттого она защищала, хотя и без энтузиазма, ведущих, актеров и т. д.: у такого-то, дескать, большие данные, такая-то заслуживает внимания… В действительности же она только и мечтала послушать, как я их всех лажаю.

Она была моложе меня на семь лет, и разница оказалась существенней, чем я предполагал. Она из тех, кто не знал мира «до» — то есть до падения Стены, иначе говоря, до полного краха всего. У нее мозги были устроены иначе, более патетически,

что ли, и легковесней, но как объект наблюдения — любопытно.

Мне нравилось ненавидеть Сандру, и ей меня тоже. Я всякий раз отвечал на ее звонки, выделяя ее таким образом из всех окружающих. В отличие от большинства людей, она хотя бы никогда не спрашивала: «Ну что, когда увидимся?» Простившись, мы пережевывали про себя несформулированные обиды, потому что все наши разговоры были пронизаны непроизнесенными упреками и невинными на первый взгляд, но колкими намеками — только намеками, ничего в открытую. Если один из нас откровенно признавался, что ему хреново, другой спешил его поддержать, за исключением случаев, когда мы ссорились всерьез. Так или иначе, равновесие сохранялось.

Вытянувшись на зеленом продавленном диване и скрестив ноги на подлокотнике, я приготовился к длительной болтовне. Изложил последние новости:

— Я тут перестремался жутко. Мне позвонила одноклассница, непременно желала со мной увидеться. И я договорился о встрече. С тех пор меня плющит, сама понимаешь как. Успокою сразу: я никуда не двинусь. Меня мутит от одной только

мысли, что я мог куда-то пойти.

— Кто такая? Что ей понадобилось? Зачем она хотела тебя видеть?

Безусловное достоинство Сандры: ее реально интересовало, что со мной происходит.

— Алиса Мартен… Лицейская подружка. Дочь хирурга. В те времена фанатка «Берю». Офигительная девка и серьезная. Я так толком и не понял, почему она на мне съехала. Сексуальная. Я заторчал, как только ее услышал, воспоминания самые приятные. Помню, она взяла в рот… у меня это было в первый раз… в парке, на скамейке, нас все видеть могли… в общем, клевота…

— Ну, а в остальном что она собой представляла?

— Маленькая такая, хрупкая, беленькая, ручки крохотные, дырка широкая… Кукольный носик и глаза светлые-светлые. Потомственная буржуйка, таких на протяжении тридцати поколений натаскивают на то, чтобы стать лучшими б… для элитных самцов… Я подвернулся ей под руку аккурат в протестный период, и она вцепилась в сына железнодорожника, как голод в этот мир… Ее трясло от одного моего прикосновения, называл ее своей электрической шлюшкой, улётнейшая телка. Жили они в особняке, всего

каких-нибудь пять этажей, в саду цветов — не продохнуть. Комнату свою она оклеила постерами Сида Вишеса, мечтала, когда вырастет, стать наркоманкой. Судя по всему, с тех пор ее пристрастия изменились. Это было в выпускном классе.

— Ты сдавал на бакалавра?

— Сдавать сдавал, раза три, но не сдал.

— Ты был в нее влюблен?

— Это слово не входило в мой тогдашний лексикон, но она мне нравилась… Мне такие редко попадались… На ней попрыгать мечтал бы каждый клещ в лицее. Я подметил, что такие фифы обычно ни на что не годятся в постели. Думают, небось, им нет нужды тратиться понапрасну. Тут мораль напрашивается: с которой авантажно пройтись под руку, та в постели — ноль. И наоборот. Алиска была исключением: супер и так, и так, и не капризная.

— И долго у вас продолжалось?

— Месяца три-четыре… не помню точно… А потом в один прекрасный день меня шарахнуло в полный рост: она переехала, ну просто испарилась, и я больше о ней не слышал… до сегодняшнего утра.

Разговаривая, я зеленым фломастером чертил какие-то лабиринты и спирали на обороте те-

лефонного счета. Сандра, думаю, мыла посуду или не знаю что: у нее лилась вода, и звякали металлические предметы. Я представлял ее себе такой, какой видел в последний раз. С тех пор много воды утекло.

— Страдал?

— Я тогда старался жизнь себе не осложнять. Особенно из-за девок. Одолжил мопед, смотался в Туль, купил на автобазе ящик резинового клея, подышал дня три-четыре и думать о ней забыл.

— Вот как? Даже не взял гитару и не сочинил что-нибудь душещипательное?

— За кого ты меня принимаешь? Я не пишу песен, когда меня кидают.

— И ты в самом деле не представляешь, зачем она звонила?

Нотка сомнения в ее голосе мне категорически не понравилась. Сандра тут же попыталась переменить тему — на нее не похоже. Пришлось тянуть клещами, и в конце концов она призналась.

— Смотри, осторожней. Ты меня знаешь, я всегда драматизирую… но я бы на твоем месте пошла на встречу.

— Что у тебя на уме? Выкладывай! Или не надо было показывать, будто ты о чем-то догадыва-

ешься…

— Я думаю о СПИДе и не понимаю, почему тебе это не приходит в голову.

Две секунды я молчал, как пришибленный.

— Сандра, полтора десятка лет прошло!

— Ну и что? Ты анализ сдавал? Помнится, ты говорил, что не собираешься.

Я швырнул трубку. Гестапо, на фиг. Почему она помнит абсолютно все, что я ей рассказывал? Картотеку, что ли, ведет?

В этом вся она: участие проявляет, вытягивает на доверительный разговор, а потом доброжелательным тоном подпускает гнусные инсинуации, расшатывающие психику хуже, чем откровенное хамство…

Я пытался рассуждать логически, но логика давала сбой. Напрасно я повторял себе, что, будь у меня СПИД, за тринадцать лет он бы выявился и без анализа… И чем больше меня забирала травка, тем менее абсурдной казалась мне догадка Сандры.

* * *

И вот под вечер я, как последний кретин, потащился на улицу. Мне, как всегда, повезло: с неба падала ледяная морось, и бар был битком набит

людьми, зашедшими укрыться и натащившими грязи.

Я пришел на пять минут раньше назначенного, выбрал место поближе к выходу, чтобы улизнуть, когда стремно станет, положил на стол часы с твердым намерением слинять, если Алиса опоздает больше чем на три минуты, и надеясь, что именно так она и сделает, давая мне повод с ней не встретиться.

Меня разбирал мандраж. То ли оттого, что я сидел в переполненном баре; то ли от мысли о предполагаемом СПИДе, казавшейся мне ужасной и привлекательной одновременно, потому что, если б он у меня обнаружился, я бы точно переменил образ жизни; то ли от перспективы увидеть девицу, которая могла за это время сдвинуться, подурнеть, скурвиться или не знаю что…

Судьба обошлась со мной милостиво, по крайней мере в одном отношении: за тринадцать лет я почти не изменился физически. Не потолстел, не облысел, и зубы не гнилые, и рожа не распухла от пьянства. Встречая людей, которых я знал молодыми, я впадал в отчаяние, когда воображал себя на их месте.

Алиска притащилась вовремя, я увидел, как она выгружается из такси, и меня сразу торкнуло: она

это что, нарочно, — мол, у нее бабок завались? Унизить меня хочет?

За эти годы она слегка усохла. В атмосферу бара на проспекте Сталинграда она вписывалась плохо, всем выделялась: слишком много меха на воротнике пальто, слишком изящно спадающего на слишком дорогие сапоги, слишком изысканная косметика и вычурная прическа по контрасту с прочей промокшей публикой.

В целом баба ничего. Возбуждающая.

Она села напротив меня. Я со страхом вглядывался в ее лицо: вправду ли она похожа на человека, пришедшего сообщить бывшему партнеру, что заразила его СПИДом?

Не думаю, чтобы мои опасения как-то отражались у меня на физиономии: не прилагая к тому никаких усилий, я обычно имею вид скорее вызывающий, чем испуганный. Я уже вышел из того возраста, когда кажется, будто люди способны читать тебя, как книгу: нет, они видят ровно столько, сколько им показываешь. И твои внутренние переживания им на фиг не нужны.

Алиска же явно тушевалась. Или, может, наоборот, подумалось мне вдруг, может, она только корчит из себя робкую и ранимую, и как раз потому, что ничего такого не ощущает.

Она поглядывала на меня украдкой, с беспокойством. Будто я насекомое — заведомо гадкое, но неясно, насколько опасное.

Задала два-три стандартных вопроса, как поживаю и прочее. Я солгал:

— Перевожу. Перевожу художественное, научное. С английского, немецкого, испанского… Написал роман, вот как раз издателя нашел.

На самом деле я попереводил немного научной фантастики и пару-тройку романов для издательства «Арлекин», переутомился, схватил депрессуху и забил. Я тогда сошелся с Катрин, она сказала мне: «Пиши, а я пока поработаю за двоих». Соглашаясь, я поклялся себе закончить роман в два счета. Одна только мысль, что я у женщины на содержании, будет мне настолько нестерпима, что подстегнет к работе, полагал я. Оказалось, нет.

Понемногу я перестал выходить из дома. В первый год я раза три-четыре пробовал начать писать — не шло. Дальше тридцати или сорока страниц не продвинулось. А потом я махнул рукой. Катрин не рассердилась. Как и многие знакомые, она не сомневалась, что стоит мне только взяться, и я напишу что-нибудь великое. Не она одна воображала, будто у меня талант. Я

извлекал пользу из этого заблуждения, хотя не давал к нему повода и никак не поддерживал: я просто ничего не делал. Сам факт, что я играл в панк-группе, посредственной, но с репутацией в определенных кругах, открывал мне десять лет беспроцентного кредита. В некоторых отношениях Франция — великолепная страна.

Мое положение всякий раз начинало меня беспокоить под Новый год, получалось вроде ритуала. Я подводил итоги и приходил к выводу, что работаю все меньше и меньше. В течение двух-трех дней я напряженно размышлял, принимал необходимые решения. А в начале января, поев крещенского пирога, отвлекался на другие мысли, и в итоге все оставалось по-старому.

Исповедоваться Алиске я не собирался.

Я посмотрел на ее руки: камень, блестевший у нее на пальце, сильно смахивал на бриллиант, а шмотки, что были на ней, не продавались в квартале Барбес, где я жил. Я спросил:

— Ты удачно вышла замуж?

— Отнюдь. Работаю как проклятая.

Мне приятнее было воображать ее замужем за омерзительным кривобоким старцем, осыпающим ее подарками и изменяющим ей, нежели узнать, что она бизнесменша. Ее успешная ка-

рьера, равно как и процветание других людей, подчеркивала, выпячивала мою несостоятельность.

Прошедшие годы не пошли ей на пользу. В юности она была красива, но красива эдакой нестойкой красотой, проявлявшейся в цвете лица, в не развенчанной еще самоуверенности. Штучка, в общем. Теперь кожа ее увяла, надо думать, она много работала, мало спала, пила и курила, оттого и вид такой потрепанный. Ее тощая фигура не обладала изяществом, какое свойственно женщинам, следящим за собой, — это была худоба человека с измотанными нервами. И красилась она не из стремления блеснуть, а словно бы желая скрыть лицо.

Она не торопилась выкладывать свою фишку; я поиграл сигаретной пачкой, смял целлофановую обертку, вытащил и сложил серебристый вкладыш. Затем стал пальцем стирать воображаемое пятно на столе и одновременно взял инициативу в свои руки:

— У тебя что, СПИД?

На мгновение она застыла: во рту сигарета, глаза прищурены; потом въехала и, сопоставив все в уме, расхохоталась. Тут и до меня дошел весь идиотизм моего вопроса тринадцать лет

спустя. Я проклял себя, что послушался Сандру, и немного расслабился. А не стоило. Алиса постучала сигаретой о край пепельницы, успокоилась и проговорила:

— СПИДа у меня нет… Но есть тринадцатилетняя дочь.

Теперь обалдел я, поскольку не понял, к чему это было сказано и отчего таким тоном, каким в телесериалах произносят суперважную реплику. Она взглянула на меня, испуганно прикусив губу, и только тогда я сообразил, что фраза имеет какой-то дополнительный смысл; я тоже расхохотался, надеясь при этом, что воображение сыграло со мной злую шутку и что Алиса сейчас развеет недоразумение. Перестав смеяться, я заявил категорически:

— Не от меня.

— В то лето я больше ни с кем не спала. И потом — это очевидно, сам поймешь, когда ее увидишь. То есть это, конечно, не доказательство… но сходство бросается в глаза.

— Когда я ее ЧТО?

Алиса досадливо поморщилась:

— Ну извини. Если ты, конечно, пожелаешь ее увидеть. Как ты, возможно, догадываешься, я пришла сюда не ради удовольствия трахать

тебе мозги.

«Трахать мозги» она произнесла с пикантной грубостью цацы из пятого округа, а я слушал, как она изрыгает ругательства, не подозревая еще, что эта история крепко меня зацепит. Маленькая отсрочка перед полным обломом… Алису между тем прорвало:

— Мне от этого разговора не легче, чем тебе… Но видишь ли, Нанси — так ее зовут — всегда считала, что ты погиб в автомобильной катастрофе. Ей это все родственники внушали с пеленок. Собственно, и знакомым так говорили. Только вот у моей матери после смерти отца совсем крыша поехала. Она взяла да и все разболтала.

Алиса развела руками, показывая, что только этого, дескать, и не хватало. И понеслась дальше:

— С тех пор у девочки навязчивая идея: найти тебя. Она дважды убегала из дома. Не знаю уж, что она там себе воображает, может, думает, что на улице тебя узнает… А тут я случайно встретила твоего брата и решила, что это знак. Вот.

Словно бы перекинула мяч на мое поле.

— Сука, блин, прошмандовка.

Я выпалил это одним махом, не чувствуя себя. Тело мое анестезировалось. На секунду я завис в невесомости, вне всякого земного притяжения. А

затем ощутил, как мое сознание раскалывается надвое и в образовавшуюся щель втискивается непостижимое. Все в том же безотчетном состоянии я продолжил:

— Мазданyть бы тебя раз тридцать по твоей блядской морде… Ты вообще понимаешь, что ты мне сказала?

— Поверь, Брюно, меня все это тоже не радует.

Эта маленькая высокомерная говнючка была из тех, кто, подвергаясь нападению, съеживается в комок, а после распрямляется; жизнь не долбала ее как следует и не научила ходить с опущенной головой. Поджав губы и надменно глядя на нее в упор, я процедил с сомнением и отвращением:

— У меня ребенок?! От ТЕБЯ?

— Мне, дорогуша, было тогда семнадцать лет. Сейчас, знаешь, когда я на тебя смотрю, сама удивляюсь, что могла так влипнуть.

Я отвел глаза, кровь прилила к вискам, мысли и ощущения стали возвращаться ко мне в беспорядке, голова пошла кругом.

— Ты просто рехнулась.

И я выскочил из бара.

* * *

На улице я прошел пять шагов, потом повернул назад. В груди у меня что-то ухало, мне хотелось броситься под машину, чтоб от меня мокрого места не осталось. Стоя в дверях кафе, я ждал, пока выйдет Алиса; стыд жег меня изнутри: ну почему со мной должно было приключиться такое?

В конце концов она появилась, держа в руке мобильник и прилепившись к нему ухом, — слушала сообщения. Я взял ее за локоть:

— Как ты могла так со мной поступить?

— Послушай: забудь. Глупо, что я тебе позвонила.

К ней вернулась вся ее самоуверенность; я взвыл, я почувствовал, как она ненавидит свое добропорядочное воспитание, не позволяющее выказывать своих чувств. А мне-то до ее воспитания что? Я, жалкий тип, боящийся выйти за сигаретами, я стоял тут, посреди тротуара, и орал во всю глотку. Мне хотелось увидеть ее испуг, смешанный со стыдом, я жаждал этого, как собака крови.

— Как ты могла не сказать мне? Как?

— Всё решили родители. Они, как узнали, на той же неделе переехали. Ты вспомни, черт по-

бери, я ж была совсем девчонкой. И не слишком продвинутой для своих лет. Я сделала, как они сказали, а потом уже не захотела…

— Ты дрянь, сука чокнутая! Не сомневаюсь, это не моя дочь. Даже анализ ДНК не заставит меня в это поверить.

— Ну и отлично. На том и порешили.

Она зашагала прочь, я ее догнал. На нас оглядывались прохожие, какие-то пацаны, сбившись в кучку, молча наблюдали за происходящим, будто спектакль смотрели. Я чувствовал, как ярость жгучим лезвием рассекает мне череп от глаз до затылка и выжигает мозг.

— Ты не можешь так уйти. Ты не можешь выплеснуть на меня все это и отправиться восвояси. Надо было думать РАНЬШЕ, тогда еще, сразу. Даже чмошный сын чмошного железнодорожника заслуживает, чтобы его поставили в известность, — вот о чем надо было думать. А не дожидаться, пока девке стукнет тринадцать, и теперь свалиться мне на голову и, к чертовой матери, перевернуть всю мою жизнь. Ты полагала, я как к этому отнесусь? «Потрясающе! Когда поедем в Диснейленд?» Естественно, я вне себя. Естественно. А ты стой и слушай, потому что, мать твою, не надо было так поступать.

Я жахнул кулаком в стену, со всей силы, ничтожной, впрочем, по сравнению с моей яростью: опять разочарование. И сожаление: пальцы — всмятку. Захотелось сесть и заплакать, только я уже давно не плачу.

Зато Алиса себе в этом удовольствии не отказывала и, всхлипывая, бормотала:

— Я поступила глупо… Я не знаю, что делать с Нанси, с ней всегда было нелегко, а с тех пор, как ей все известно, она совсем отбилась от рук… Я не хотела с тобой встречаться… но я просто с ней голову потеряла.

— И имя у нее дерьмовое.

Алиса порылась в сумочке и протянула мне визитную карточку:

— Поступай как знаешь. Можешь позвонить, можешь забыть, как хочешь…

Умела, сволочь такая, разжалобить; я было разволновался, потом растерялся, а потом меня совсем повело:

— Да пошла ты…

И она ушла. Глядя на ее понурую спину, я ощутил совершенно неуместное желание. Она знала, как сбить мужика с толку.

Окружавшие нас пацаны стали расходиться, они покатывались со смеху и от восторга хлопали

себя по ляжкам. Наверняка надо мной смеялись, и, что удивительно, мне это было по фигу.

Я бессмысленно стоял на месте. Привычка вечно все накручивать, преувеличивать, притворяться привела к тому, что я и сам не понимал, какие мои чувства подлинные, а какие нет.

* * *

Пока поднимался наверх, растерял остатки юмора и значительную часть хладнокровия. Рука моя распухла так, будто вместо кисти мне прирастили боксерскую перчатку.

Мысли бурлили у меня в голове, сшибались, переполняли меня и душили.

Вспомнил парней из фильма «Люди в черном» с этим их приспособлением, стирающим память: я бы дорого дал, чтобы такое приобрести и вернуться на два часа назад.

И почему-то мне все время представлялась сперма. Нелепейшим образом я пытался проследить связь между этой клейкой белесой массой и ребенком. Вспоминал, как все было у нас с Алиской, и повторял себе, что именно так и получаются дети. Но не стыковалось. К тому же преимущественно всплывали картинки, как я кончаю ей в рот, на лицо, на ягодицы. Стыкова-

лось еще меньше…

С другой стороны, идея, что девчонка не от меня, тоже как-то не канала. Я знал, что Алиска сказала правду, чувствовал… Их поспешный отъезд, если подумать, выглядел чрезвычайно странно… Помню ледяной голос ее матери по телефону: тогда я отнес это на счет моего зеленого ирокеза и ошейника с шипами… Теперь все вставало на свои места.

Мне приходилось сталкиваться с тем, что у женщин случаются задержки, что некоторые хотят завести от тебя ребенка, а другие просто не желают принимать противозачаточные таблетки… Короче, я уже имел представление о проблеме, но обходилось всегда без последствий. Постепенно я уверился, что мне такого рода осложнения не грозят, и вдруг все поехало: оказалось, грозят, и в наихудшем раскладе. Унижение нестерпимое.

Алискины предки ничего мне не сказали, потому что я из рабочей семьи. Эта догадка не отпускала меня, как назойливый мотив, и от нее окончательно сносило крышу. Хотелось кого-нибудь убить, защитить поруганную честь, а жизнь свою послать, блин, к такой-то матери. К несчастью, я плохо представлял себе, как пойду душить полоумную мать Алисы, оттого все мыс-

ли возвращались к исходной точке, и оставалось только сглатывать стреляющую боль ярости. Вопиющая, уму непостижимая несправедливость, и, конечно же, на мою голову…

Я забросал Катрин эсэмэсками, умоляя прийти поскорей. Казалось, с ее появлением откроется какой-то выход, хотя непонятно, какой именно.

Увы, я слишком часто проделывал этот фокус: заставлял ее примчаться домой, бросив все, а дома посылал купить мне долипран, поскольку не люблю аспирин, или шоколадное пирожное, если чувствовал приближение депрессии, или просто свежий номер газеты «Либерасьон», о котором услышал по радио… На этот раз она уперлась: у нее работа, и пока она ее не закончит, никуда не двинется.

Я вообразил, как она возвращается и обнаруживает меня в ванне с перерезанными венами или — лучше — повесившимся на простыне и болтающимся за окном гостиной. Это минут на пять меня успокоило.

Ну и хорошо, пусть приходит позднее. Я вовсе не был уверен, что так уж жажду с ней поделиться. Если я ей все расскажу, эта история начнет всплывать в каждом нашем разговоре. Я рассчитывал забыть ее в самые ближайшие дни, а

Катрин помешала бы мне это сделать. И потом, неловко как-то объяснять ей, что я выходил на улицу встречаться с бывшей школьной подругой. Я нещадно эксплуатировал Катрин более двух лет, гонял за тем, за этим — и после всего признаться, что я вот так взял и вышел… К тому же не факт, что я пожелаю в скором времени повторить эксперимент.

Вылазка на улицу меня разочаровала. У меня не случилось приступа стремопатии, я не испытал никаких экстраординарных ощущений, не упал в обморок. Столько времени я страшился этой минуты, накручивал себя до невозможности, до сердцебиения, до холодного пота… Я часто представлял себе свой первый выход на воздух, обязательно летом, Катрин ведет меня под руку, глаза ее блестят от счастья, теплый ветер ласково обдувает лицо, я иду медленно, как после тяжелой болезни… И вдруг эта дрянь, Алиска, все испакостила, испоганила, оплевала…

Я прилег, решил прибегнуть к дыхательной самотерапии. Получалось типа: «Тебе плохо? Прими таблетку аспирина». Я перевернулся и стал корчиться на кровати — кадр из фильма «Экзорцист», — чувствуя, как адская боль пронзает меня от живота до макушки, ворочается во мне, будто

какое-то мерзкое животное. Потом надоело.

Попробовал еще раз набрать Катрин, прекрасно понимая, что смешон; у нее сработал автоответчик, и я повесил трубку.

Не буду я ей ничего говорить. Все ясно теперь про наши отношения: каждый за себя, и если подыхаешь, подыхай молча.

Подумал было позвонить брату, выплеснуть свое бешенство на него, не объясняя причин, облаять и все. А в общем-то, ну его. Отложил брата на следующий день, когда соберусь с мыслями.

В конце концов позвонил Сандре, хотя ломало: ведь, не вмешайся она, не было бы этого кошмара. Я бы остался дома, смотрел бы себе спокойненько телевизор. И потом, я опасался, что она раздует теперь целую историю и совсем меня доконает. Скрючившись на диване, я все-таки набрал ее номер: надо же кому-то излить душу.

Гадючка рассыпалась в извинениях:

— Я себя проклинаю… Я дура. Не знаю, почему я тебе это сказала, бред какой-то… Знал бы ты, как я себя ругала.

— Если честно, я был готов тебя убить, но теперь это уже не важно нисколечко… Послушай сюда: я ходил на свидание.

— Ты вышел на улицу?

Она испытала шок и даже разочарование. Или, может, испуг. Сознавала она это или нет, но мой выход на улицу ставил ее перед угрозой потерять единственного из всех ее знакомых еще более шизанутого, чем она сама. Мое амебообразное прозябание помогало другим чувствовать себя уверенней. Я не удержался и добавил для понта:

— У меня не было выбора.

— И чего ей от тебя понадобилось?

Я стыдился признаться. Уж лучше сдохнуть, провалиться сквозь землю. Мне вовсе не улыбалась моя новая роль — парня, о котором говорят намеками, с усмешкой, жалостью, осуждением… Не катило мне носить это клеймо. За что? Почему я должен расплачиваться? Я заставил Сандру поклясться, что она никому ничего не скажет, не сомневаясь, понятно, что она разнесет весть по всему свету. Короче, в конце концов я выдавил:

— Она сказала, что у нее дочь от меня. Тринадцати лет. Жаждет со мной встретиться.

Сандра испустила продолжительное «вау!», восхищенное и ошарашенное. В любой другой ситуации я был бы счастлив сообщить ей новость, которая всколыхнула бы ее до такой степени.

И вот тут-то пошел полный психодел. Как только я произнес эти слова, девчонка стала

существовать реально. Сама по себе. До этой минуты я думал о предательстве Алисы, о том, как подло было прийти и сказать мне это через тринадцать лет, о ее семейке, которая сговорилась все от меня скрыть… И вдруг материализовалась девчонка. Она жила где-то здесь в городе, росла без отца, мечтала со мной познакомиться.

Я тогда ничего не сказал, даже в уме отчетливо не сформулировал, не признался себе, но именно в ту минуту я понял, что должен ее увидеть. Хотя бы раз. Зато Сандра сказала, как только перестала ахать и охать:

— Пытаешься ее себе представить?

— Нет. У меня нет никакой дочери. Ты ведь меня знаешь. Разве похоже, что у меня есть дети?

— Похоже, есть.

Мы болтали и болтали, пока мой радиотелефон не разрядился, после чего я перезвонил ей по мобильнику, а когда сел ее телефон, она перезвонила мне по своему мобильнику. У меня шею свело, оттого что я так долго держал голову набок, плечом прижимая трубу к уху. За это время я приготовил себе чай, сварил макароны. Мы потеряли нить, трепались о том о сем, ловя кайф от самого процесса…

— По крайней мере, это послужит тебе уроком на будущее…

— Предлагаешь закупить партию тестов на беременность и до получения результатов никого не выпускать из койки?

— Нет, кончать только на фейс.

— Угу, или в анналы. А ты, я смотрю, не дура.

Мы проговорили до тех пор, пока я не услышал, что в квартиру входит Катрин. Я быстренько повесил трубку, точно школьник. Мы так часто делали. После многих часов телефонного трепа я был никакой, голова отупела. В мыслях не прибавилось ясности, зато убавилось остроты.

Катрин дулась, а у меня даже не было сил на нее за это разозлиться. Я оставил ее гнить, проглотил три экванила — это большие синие таблетки, мне прописала их служба психологической помощи, и я к ним очень пристрастился — и отправился спать, не сказав ей ни слова. Пусть будет ей наука. Вопреки обыкновению, она не зашла меня проведать. Просидела перед телевизором, дура непробиваемая, неспособная почувствовать, что в доме у нее разразилась катастрофа.

* * *

— Алло, старик, это Сандра. Какие новости? Ты дома или тебя нет? Ты не хочешь разговаривать?

Я снял трубку, постарался поддержать беседу в шутливом тоне. Вообще-то такое мне не свойственно: обычно я склонен гнать волну.

— У меня тут Хиросима.

— Выкладывай.

В голосе неподдельная обеспокоенность. На экране телевизора черноволосая девица в футболке с драконом извивалась, стоя на одном месте, а руками держалась за живот; казалось, она безуспешно пытается оторвать одну ногу от пола. Я стал рассказывать:

— Катрин требует, чтобы я съезжал. У нее появился кто-то еще.

— У Катрин?

Что Катрин не может жить без меня, не подлежало обсуждению. Она, понятно, иногда обижалась, что я сутками зависаю у телевизора, не даю ей приглашать подруг, отказываюсь есть замороженные продукты, не трахаю ее уже несколько месяцев… обижалась, но все женщины рано или поздно начинают ныть. Ее недовольство никогда мне ничем серьезным не угрожало.

Стоило только прижаться к ней, подластиться, и она успокаивалась, признавала, что мне тоже нелегко, полоса такая стрёмная. Сатурн стоял в моем знаке зодиака уже целых два года, а она не хуже меня знала, что с этой планетой жить тяжко.

В ту пору у меня не возникало ощущения, будто я ее третирую. Мне самому было так тошно, что мое отношение к ней представлялось мне пусть несправедливым, но оправданным. Я полагал, она понимала, что это временно, а потом я выкарабкаюсь и уж тогда расплачусь сполна.

— Похоже, это серьезно. Утром она ушла с вещами. Дала мне неделю на то, чтобы я отсюда съехал. Неделю… Видите ли, этого достаточно, чтобы найти «другую такую же дуру», цитата.

— А что, собственно, случилось?

— Во-первых, ее шизанутый психарь сделал ее законченной психопаткой. Во-вторых, на работе ее охмуряет какой-то фраер, обещает златые горы. В-третьих, вчера к концу дня я был уже никакой и рано лег спать. А она увидела мои мокрые грязные ботинки и вообразила, будто я регулярно выхожу тайком и, совершенно понятно, ей назло. Затем обшарила мою куртку, тоже мокрую, нашла визитную карточку Алисы и заключила, что

я встречаюсь с девками. Возбухала всю ночь. Вбила себе в голову, что я откапываю их в Интернете, полезла в комп, нашла сто тысяч порносайтов… нафантазировала всякого — это Катрин-то, всегда мечтавшая о спокойных безмятежных отношениях. Представляешь? Короче, проснувшись утром, я почувствовал, что мне вроде как полегчало, пошел ее поцеловать, а она меня мордой об стол… Я сделался врагом номер один.

— Ты ей объяснил про Алису?

— Нет, не стал. Сказал, подруга детства, дескать, в хреновом положении, никак не мог не спуститься к ней. Катрин не поверила.

— А почему ты ей не сказал?

— Подумал, что, если мы все-таки помиримся, а это, на мой взгляд, не исключено, я о своей болтливости горько пожалею.

— Неглупо. Да уж, тебе масть пошла, ничего не скажешь.

— Голова дракона в противостоянии с Нептуном, Меркурий на ретроградном движении, Сатурн ни с места… комплект.

— Ты иногда мыслишь по-женски, но мне это нравится. Кстати, а у малышки какой знак?

— Почем я знаю. Меня это не колышет. Я о ней и думать забыл. Спасибо, что напомнила, в каком

я дерьме.

— И что ты намерен делать?

— Повеситься, эмигрировать в Венгрию, вступить в секту, стать наркоманом, придушить Катрин, а прежде выпустить кишки ее хахалю. Я всегда подозревал, что по мне нары плачут.

Шутки шутками, но в ту минуту я реально о чем-то таком подумывал.

— Я не желаю слышать слово «ответственность». Мне тридцать лет, я себя знаю, я уже не в том возрасте, когда можно запудрить себе мозги: я не способен жить нормально. Моя слабая голова этого не вынесет. Квартира, работа, начальник, налоги… спускаться в метро, найти подходящую подругу, оплачивать счета и день-деньской общаться с кретинами, чтобы заработать на шамовку… Нет. В гробу я все это видал, лучше в бомжи пойду. Буду ошиваться под окнами этой сучки, чтоб она знала, до чего я дошел по ее милости.

Сандра кхекнула. Когда люди так вот легонько откашливаются, это они собираются сказать нечто, от чего им самим неловко; я приготовился к худшему — не привыкать.

— А насчет малышки ты подумал?

— Нет. То-то и приятно, что с уходом Катрин я

от этой истории начисто отключился.

— Тебе нужно с ней увидеться. Если девочка хочет с тобой познакомиться, ты обязан это сделать.

— У тебя что, совсем башню снесло? Добить меня хочешь, да? Какого лешего ты меня опять в это окунаешь?

Я бы, конечно, швырнул тут трубку, если бы не рассчитывал попросить у нее приюта — на время, пока не раскручусь. Поэтому я наступил себе на горло и стерпел ее ахи и охи.

Ее просто заклинило на этой малышке.

— Что мать у нее дура крезанутая, я не спорю. Что тебе это влом до крайности, тоже понятно. Но девчонка-то тут при чем? Она имеет право взглянуть на тебя хоть раз. Ты не можешь ее так Вот кинуть.

— Очень даже могу. И дело не только в том, что я эгоист. Будь я ребенком, мне неприятно было бы узнать, что мой отец — это я. «Посмотри, деточка, этот неудачник — твой папа. Ты счастлива?» Пусть лучше я останусь для нее мечтой.

— Ничего подобного. Я бы на ее месте была бы рада иметь такого отца.

Последнюю фразу она произнесла со страстью, из чего я заключил: ждет, стало быть, чтобы я ей

вставил — а это, понятно, отбивало у меня всякую охоту. Когда я поселюсь у нее, сказал я себе, надо будет держать ухо востро и не попадать в двусмысленное положение.

Она меня раскусила и, как мне показалось, сильно напряглась при мысли, что ей придется меня вписать. Я решил подождать: может, ее замучит совесть и она сама пригласит меня у нее пожить.

— Брюно, ты должен понять, что девчонка не виновата, ты должен с ней встретиться, ты обязан. У нее один отец — это ты; если она хочет с тобой увидеться, ты не имеешь права ей отказать. Ты можешь кидать кого угодно, но не маленькую девочку.

— Да отстань ты от меня, ё-моё. Зачем только я тебе рассказал.

— Затем и рассказал, чтобы я тебя подстегнула с ней встретиться.

— Давай закроем эту тему.

Но она не унималась, и меня в конце концов торкнуло, что она попросту нашла повод разругаться со мной окончательно. Чтоб не пришлось отказывать мне в ночлеге. Это очень в ее духе — обойти конфликт стороной, избегая лобовой конфронтации, ничего не высказывая в откры-

тую.

Она, видите ли, такая добродетельная, чувствительная, когда проблемы не касаются ее близко, а вот приютить человека, когда ему так фигово, что дальше некуда, — этого она не может. Подруга называется… Я плюнул на желание вписаться к ней и оборвал ее:

— Знаешь что, Сандра, пошла бы ты на хрен. Я всю жизнь буду помнить, что в трудную минуту ты меня бросила. Понятно? Никогда не забуду.

И повесил трубку, мечтая, чтобы мои слова навели на нее порчу.

Смертельный яд разливался по моему организму, разрывал внутренности и нервные клетки, и противоядия я не знал. Меня мутило от собственного растерзанного состояния, хотелось из него выйти, но таблетки, которые я глотал, делали меня подавленным и вялым, а беспечности не прибавляли. Фуфловый наркотик, такая же лажа, как и все их медицинские штучки.

Я пошел выпить чаю; это Катрин меня приучила целыми днями накачиваться чаем. От каждой женщины остается след, какая-то привычка, какое-то словцо, в общем, что-то они в вас меняют. И живет в вашей душе нежное и горькое воспоминание о романах, начинавшихся так хорошо.

Я ждал, пока закипит вода, и смотрел на побуревший от газовой плиты потолок. Когда я сюда переехал, мы перекрасили кухню в желтый. Кухонька была узкой, полки заставлены баночками с чаем, пряностями и разными металлическими коробочками, по стенам — открытки, а холодильник облеплен фиговинками на магнитах. Не особенно чисто, зато уютно. Я не хотел, чтобы меня отсюда выгоняли. Я хотел вернуть первые месяцы нашей совместной жизни, когда по ее лицу было видно, как она счастлива, что я здесь, когда по утрам нам нужно было сказать друг другу столько важного о нас двоих, о мире, о нашем будущем. Когда она еще верила в меня, а я еще старался оправдать ее надежды. Она писала пальцем слова у меня на спине, я сосредоточивался и разгадывал. Нет, я не хотел уходить. Я даже запах ладана, от которого меня прежде тошнило, вдыхал теперь с наслаждением. С умилением смотрел на пивные дрожжи, магниевые таблетки, чай с привкусом шпината и прочие хипповские штучки, еще вчера раздражавшие меня донельзя. Я не хотел, чтобы меня отсюда выгоняли, хотя сам все для этого сделал.

Я взял тарелку и шмякнул ее о стену. Понравилось — и звук, и как она разлетелась вдребезги.

Разбил все тарелки, какие были, одной левой: правая болела. Затем принялся за стаканы. Наскучило. Хорошенького понемножку. Подумал было пройтись босиком по осколкам, а после заляпать кровью всю квартиру, но не стал.

Вернулся в гостиную вроде бы успокоенным. Сел перед телевизором, чтобы забить косячок, и тут обнаружил, что у меня кончилась бумага. От этого нервы мои расквасились в одну секунду; не сознавая, что творю, я повалился на пол и стал кататься и лупить себя кулаками, я бился об пол головой и вопил как резаный.

Пока не выбился из сил. Случившееся озадачило меня самого: я всегда полагал, что устраиваю нервные припадки, чтобы произвести впечатление на окружающих и что-нибудь с этого поиметь. Иногда срабатывало, иногда совсем наоборот. Но до сих пор я и мысли не допускал, что могу элементарно потерять над собой контроль.

Я ощупал себе голову — все так же левой рукой — и испугался: болело реально и вдобавок подташнивало… Позвонил в медицинскую службу SOS. Пусть пропишут мне стрессам — помнится, он хорошо действовал. И пусть отправят меня на «скорой» в больницу; из неврологического отделения я позвонил бы Катрин, сдержанным

тоном объяснил, что стали известны результаты сканирования и жить мне осталось месяц; извинившись за беспокойство, попросил бы принести кое-что из вещей, потому что больше мне обратиться не к кому…

Приехала доктор. Худенькая такая брюнеточка с серьезным лицом, маленькими грудками, ну просто прелесть. Мне стало жаль ее, что ей приходится таскаться по вызовам с чемоданчиком и такой дивной попкой. Среди клиентов попадались, небось, всякие отморозки, и она выслушивала всю их галиматью.

Она померила мне давление, посветила в глаза маленькой лампочкой, пощупала голову, послушала сердце. Я балдел. Я представил себе, как бы я жил с такой вот докторшей и по утрам и вечерам просил ее проверить, все ли у меня в порядке. Будь рядом со мной женщина, которая могла бы меня поддержать и успокоить, я бы, глядишь, сделался иным человеком.

Чтобы она подольше не уходила, чтобы не вынесла превратного представления обо мне, я рассказал ей о своих злоключениях. Не хотелось, чтобы она думала, будто я закатываю истерики каждый день. Объяснил ей про Алису, про Катрин… Она слушала меня, сидя на краешке

софы, скрестив руки на плотно сжатых коленях. Серая блузка, красивая тонкая шея; я мысленно дорисовывал ее ключицы, обводил их пальцем. Я воображал, как она обнимает меня, утешает; такого склада женщины умеют приласкать, нашептать нежные слова. Мою повесть она выслушала с большим вниманием, на секунду призадумалась, а потом, изящно наклонив головку и глядя своими большущими глазами мне прямо в глаза, произнесла тихо, торжественно и чуть грустно:

— Вы должны встретиться с девочкой. Понимаете, для нее чрезвычайно важно узнать своего отца.

Я любезно посоветовал ей сменить профессию и проводил к двери.

* * *

Дальше дни потекли как в тумане. Я смутно надеялся, что Катрин позвонит и попросит принять ее обратно — я бы согласился не раздумывая. Ждал, что позвонит Алиса и скажет: так и так, мол, пошутила… страдаю шизофренией.

Каждое утро я намеревался пролистать записную книжку, поискать, где бы приземлиться. Но вместо этого забивал косяк за косяком и обнару-

живал, что время летит ненормально быстро.

Я позвонил матери, сообщил, что Катрин нашла себе другого. «И тут прокол», — скупо прокомментировала маман; потом я попросил у нее немного денег, она не преминула подпустить патетическое: «Ты знаешь, сколько тебе лет?», но согласилась выслать тысячу франков. Я беспощадно выторговал две. В разговоре она упорно старалась показать, как мне должно быть стыдно, — ну и фиг с ней. Зато я вставил по ходу, что мой дорогой братик, ее любимчик, не последнюю роль сыграл в моем разрыве с Катрин. Десять минут спустя в телефоне раздался его раздраженный голос. Я предоставил ему базарить с автоответчиком — собачиться самому охота отпала.

Я стал выходить на улицу. В табачный киоск, в магазин. И — ничего, как будто так и надо, как будто я так жил и прежде, все эти два года. Обидно даже. Вопреки ожиданию, я отнюдь не ощущал себя Робинзоном Крузо, мучительно приспосабливающимся к цивилизованной жизни. Однако был рад, что все-таки отсиживался до последнего: погода стояла холодная, люди кругом хмурились, всюду мрак, враждебность, шум.

А главное, девушки: никакого сравнения с теми, что я видел по телевизору, неулыбчивые,

нерасполагающие.

Однажды вечером притащил домой бутылку «Jack Da»[3] — я уже год как не пил, Катрин была дико положительная, вегетарианка, не пила и дурью не баловалась. Вот и все, что эта идиотка вынесла из рокешных тусовок. Первую рюмку я выпил с отвращением, вторая меня согрела. В конце концов я надрался и впал в эйфорию; вообразил, что все устаканилось, что наконец-то у меня появился повод подыскать квартиру побольше, а роман я напишу за шесть дней — почему нет, все дело в настроении. Насчет девчонки, так я вообще не понимал, какое она имеет ко мне отношение. Я лежал скрестив руки на груди, врубив «Студжес» на полную мощь, и, бухой в стельку, радовался, что избавился от зануды, отучившей меня дринкать. Было ясно как дважды два: я не мог писать и на улицу не выходил, оттого что не пил…

Следующий день я провел в клозете, и ясности у меня поубавилось; меня рвало желчью и еще чем-то, чему следовало оставаться внутри. С дринком пришлось завязать. Остатки Jack'а я вылил в раковину и скрутил здоровый джойнт,

---

[3] Примечания: 3
«Jack Daniel's» — американское виски.

чтобы избавиться от похмелья. Меня плющило пуще прежнего, ни одной мысли я не мог сформулировать до конца — с бодуна все путалось. Что в моем положении было вовсе даже и неплохо. Растянувшись на диване, приложив ко лбу холодную банную рукавицу, я исходил жалостью к себе и смотрел телевизор.

На канале AB1 негритянское племя в спортивных костюмах дергалось перед телекамерами, закольцованные клипы рэпа, шлюхи с чуваками на громадных тачках, прочая жлобская мишура. На канале 3 — компьютерные картинки, боевая машина будущего, в ней копошилась команда, которой полагалось метать бомбы через океан типа по локаторам. На Tiji желтенький мультипликационный песик катался на санках с другим бобиком, серым. А на Cartoon Network жалкий тип под Бэтмена сражался с седовласым меном; тут тоже фантастика, армия будущего, какое-то чудище в клетке, порывавшееся смыться. На Fox Kids принц Франц боролся на саблях против чела с короткой бороденкой, тот пытался сбросить принца с башни, а вышло как раз наоборот, и в итоге принц под выкрики «Да здравствует король!» красуется перед ликующим народом с чудо какой довольной принцессой. На Дисней-канале

драконы и змеи окружали прикованного пацана, принцесса по имени Ди-Ди размахивала мечом, и змеям это было не в кайф. На Game One какой-то кретин искал «тайники» и что-то заливал про фокусы — короче, я ни фига не понял. На MCM телки, стоя под водопадом, лягали что-то позади себя. На MCM2 такие же факухи, но уже с парнем, дрыгались на фоне паркинга, выкидывая руки то вправо, то влево. А на MTV бесновались какие-то дети…

Я стал скакать с одной программы на другую. В свое время я несколько месяцев кряду вдалбливал Катрин, что хороший писатель — это тот, у кого все кабельные каналы под рукой, и что это совершенно необходимое вложение денег. В конце концов она согласилась. При воспоминании о ее покладистости у меня всякий раз подступала тошнота.

Целый день я смотрел программы для детей. Какой же фигней им забивают башку…

Выбить мозги тем, кому еще нет двенадцати, приучить их выпивать нужное количество кока-колы в сутки, залезть им в подкорку и нашпиговать ее всяческой туфтой: счастье — это быть, как все, оно достигается покупкой всяких фишек, а для этого надо слушаться, идти в ногу, и

чтоб никаких желаний, не имеющих денежного эквивалента; никого не цеплять, соблюдать приличия — то есть быть счастливым, еще лучше — быть первым. Взрослые всей мощью своего общества цинично обрушиваются на собственных детей и убивают их со страстью. Потому что лишь одно имеет значение — угодил ли ты начальнику: удачно ли продал бургеры-CD-DVD-кроссовки-рюкзаки-побрякушки-футболки. Много ли ты их продал, по хорошей ли цене? Доволен ли начальник результатом? Любая иная мысль будет признана анахронизмом и изгнана одним пожатием плеча.

Никогда еще пропаганда не велась так успешно и никогда не была такой циничной. Даже в самых оболванивающих системах — сталинской, гитлеровской, сионистской, палестинской, католической или сайентологической — учителя сами были соответствующим образом отформатированы и верили в то, чему учили. Теперь все иначе: директора каналов, режиссеры клипов, продюсеры групп, маркетологи — все прекрасно понимают, что занимаются мошенничеством и накалывают невинных. Они воображают себя крутыми, думают, они акулы. В действительности же они угодливые шавки, добивающиеся

хозяйской ласки. Ярые безмозглые коллаборационисты. Не скажешь даже, что они осознанно служат дьяволу. Их деятельность разрушительна и бессмысленна. Тайные агенты по совращению малолетних, тупые, готовые на все.

Мерзость всеобщей лажи огорошила меня, раньше я в это не вникал. Как и многие вокруг, я вообще мало во что вникал. Мы давно усвоили, что возмущаться бесполезно, выработали ко всему насмешливое отношение, свыклись с тем, что все туфта и не стоит наживать себе геморрой попусту. История научила нас считать негодование отстойной эмоцией.

Врубив канал для взрослых, я посмотрел кусочек «Моряка и Лулы»[4], вспомнил лето после выпускного класса. Меня торкнуло, что ее тогда еще не было на свете. Она не существовала, а потом вдруг возникла. Фокус какой-то, и притом сомнительного свойства, я подступался к нему и так и сяк и ни фига не понимал. Сама идея, что мы с ней как-то связаны, казалась мне омерзительной и притягательной одновременно.

Что я для нее? Предок, которого надо узреть своими глазами и забыть. Недостающее звено.

---

[4] Примечания: 4
«Моряк и Лула» — фильм Дэвида Линча (1990).

Мертвец. Абстрактное понятие.

Я подумал, что папаша без машины будет выглядеть совсем уж беспонтово. Решил так: получу права, подыщу тачку. А тогда и подумаю о встрече. Тогда я, по крайней мере, смогу погудеть ей издали, показать, что я — это я.

Саму возможность знакомства я отвергал теперь не так категорично, как раньше. Слишком много обрушилось на меня сразу со всех сторон, и я устал выстраивать в голове баррикады.

Я еще не верил до конца в реальность происходящего. Упрямый мальчишка, засевший во мне, надул губы и сложа руки ждал, чтобы с потолка спустился Бог или взрослый и быстренько расставил все по местам.

На самом деле я ждал, что позвонит Катрин и скажет, мол, жить без меня не может, сейчас вернется и все уладит.

Но единственный звонок от нее раздался по истечении семи дней: она спросила, выметаюсь ли я.

Именно так и сказала: «выметаешься».

Я попросил ее встретиться со мной, поговорить, но она была неумолима, она выставляла меня за дверь, как паршивую собаку.

Я обвел взглядом комнату, подумал, не поджечь

ли тут все к чертовой матери, но потом достал сумку и покидал в нее диски и свитера. Взял сигареты, конвертик с остатками дури — всего несколько зернышек, мобилу, кошелек и ушел, не закрыв за собой дверь.

Я ожидал сногсшибательного шока, взрыва — ничего подобного. Видимо, шок, произведенный сообщением Алисы, оказал обезболивающий эффект. Это как у зубного: делают тебе укол, а потом проходит несколько часов, прежде чем ты сможешь почувствовать собственный язык. Я потерял чувствительность. Не так, как от морфия, конечно, но в целом тоже неплохо.

Я позвонил другу детства Тьерри:

— Слушай, старик, я тут в полной заднице. Можно к тебе заглянуть?

Он замялся, я догадался, что рядом его подружка — она меня на дух не переносила, говорила, что я клин. Мы и видеться перестали с тех пор, как он с ней. Он назначил мне свидание в забегаловке у него внизу. Я специально поехал на автобусе, проверить, хватит ли меня стремопатия или сойдет нормально. На остановке 31-го со мной стояли дамочка с коляской и орущим в ней младенцем, сгорбленный кашляющий и харкающий старик и китаец с огромными хозяйственными

сумками. Когда автобус подошел, я держал зеленую кнопку на двери все то время, что дамочка загружала коляску, но вместо «спасибо» она только недоверчиво на меня покосилась, и пришлось мне самому порадоваться своей галантности и гражданской доблести.

В автобус вошли контролеры. Естественно, если я впервые за много-много месяцев воспользовался общественным транспортом и не взял билета, контролеры не могли не появиться. Такое уж мое счастье.

Спас меня пацан лет пятнадцати, долговязый, белокожий, глуповатого вида детина с волнистыми нелепой длины волосами. Он не желал предъявлять ни проездного, ни удостоверения личности, кипишился и шумел. Выкрикивал оскорбительные слова женщине в зеленом, которая им занималась. Подскочили два ее коллеги, хотели его высадить и отвести в отделение, но он стал вопить. Когда его чуть подтолкнули, он заорал, что ему сломали щиколотку и что он будет жаловаться. В общем, достал их окончательно, и они его выволокли наружу.

Из пассажиров ни один не выразил ни симпатии, ни удивления, разве только легкую досаду: шума много. Стань эти типы дубасить парня но-

гами, в автобусе никто бы не шевельнулся. Мы, парижане, умеем абстрагироваться от ближнего.

Отвращение к окружающей жизни не забывается, как умение ездить на велосипеде. За время, что мы не виделись, Тьерри как-то ссутулился, словно бы его подружка крепко на него надавила. Он никогда не имел особенного успеха у женщин. Откровенно говоря, этим отчасти объяснялась наша дружба. Я, конечно, себе в этом не признавался, однако приятно таскаться повсюду с приятелем, на которого девушки не обращают внимания, это повышает твои собственные шансы и вообще удобно: никакого соперничества, никаких наколок, подозрений. Недостаток женского внимания не мешал ему быть хорошим товарищем, верным, дурашливым, веселым, фанатом «Мотохед» и камерунских «Неукротимых львов».

Я сел напротив него.

— Ты похож немного на Сальмана Рушди, только светлого, раньше я этого не замечал.

— Странно, что у тебя осталось так мало друзей.

— Вот незадача, черт возьми, чтоб с лицом Сальмана Рушди да не писать книг. Даже если бы писал, и то…

Разговаривая с ним, я потирал себе ляжки и все время ерзал. Я пребывал в каком-то эйфорическом возбуждении. Он спросил меня с недоверием, показавшимся мне унизительным:

— Что, собственно, ты делаешь на улице?

— Я покончил со своей стремопатией. Завязал, даже не понимаю, как это я просидел взаперти все эти месяцы. И очень вовремя завязал, потому что Катрин завела себе какого-то хмыря и выставила меня за дверь.

Тьерри сразу преисполнился сочувствия. Недоверие улетучилось. Он от девок порядочно натерпелся.

— От баб все зло, все, блин, от них…

— Самое гнусное ведь что: она со мной нянчилась, как с младенцем, и в результате я теперь по уши в дерьме. Я не работаю, у меня нет квартиры… Я чисто конкретно на улице. Она сделала из меня беспомощного ребенка, а потом выкинула, как ненужную вещь.

Но Тьерри явно не отражал моей теории о злодейке Катрин, нарочно вогнавшей меня в детство, чтобы потом добить окончательно. На черта, спрашивается, нужны друзья, как не для того, чтобы поддержать тебя в заблуждении?

Он сразу стал в оборону:

— С жильем выручить не смогу, ты ж знаешь Селию, она…

— Знаю, она меня на дух не переносит.

— И вообще у нее ужасный характер, ужасный.

Уж если Тьерри жалуется на женщину, причем на женщину, которой он вроде нравится, значит, она и в самом деле несносна. У меня даже затеплилась надежда, что, может, она его в скором времени пошлет и тогда мы снова станем друзьями.

Внезапно я почувствовал отчаянную стреляющую боль в спине. Я выпрямился, выгнулся назад и уже вполуха слушал, что рассказывал Тьерри о последней ярмарке пластинок и дисков в Шамперре. Он был коллекционером. Мальчишкой он просто любил слушать музыку, потом это переросло в манию, и чем менее интересной становилась его жизнь, тем больше он сосредоточивался на редких пластинках. Забавно, конечно, смотреть, как он постукивает пальцем по винилу, оценивая толщину, но в общем-то это уже на грани бреда.

Тьерри вдруг показался мне отталкивающим. Он напомнил мне о том, сколько нам лет. Возраст его не украсил. На висках залысины, одет, как старый хардюшник, но без изюминки. А в таком

прикиде изюминка-то как раз и необходима.

Я вспомнил, почему я перестал выходить на улицу, почему завязал с питьем, забил на встречи с друзьями. Мы все старели и не знали, как с этим быть. Неприглядное зрелище.

Про Алису я ему все-таки рассказал. Он, разумеется, никакой Алисы не помнил: «У тебя их столько было, всех не упомнишь». Тьерри держал меня за крутого ходока.

Он рассмеялся, похлопал меня по плечу и назвал папой. Я чуть было не завелся, а потом вдруг сам расхохотался. Вообще-то и вправду умора. Случись это не со мной, меня бы первого пробило на ржач.

На короткое время мы снова сблизились. Меня даже потянуло заказать себе пива, но в ту же секунду я представил себе, как храплю ночью поперек тротуара в обнимку со своей сумкой, — картинка эта меня не слишком вдохновила, и я благоразумно продолжил сосать лимонад. На целый час все стало как прежде.

В конце концов он задал вопрос, к которому мне пора было привыкнуть:

— Ты собираешься встретиться с малышкой?

Я отмахнулся, оборвал его:

— Слушай, оставь меня в покое, а?

Он пожал плечами:

— Зря ты это так воспринимаешь. В сущности, тебе скорее повезло. У тебя есть дочь, — стало быть, тебе не придется мучиться, что, как последний мудак, прожил жизнь впустую. При этом, заметь, тебя миновали подгузники, рыганья, сопли и прочее. Тебе форменным образом повезло.

Я выслушал его с недоверием. Затем он включил мобильник, подпрыгнул, увидев, который час, взглянул на чек, достал деньги расплатиться. Мы обменялись обычными в таких случаях комментариями:

— Черт, невероятно, до чего все дорого в этом городе.

Вставая, он попросил меня дойти с ним до банкомата, предложил мне — поскольку не имел возможности меня приютить — тысячу франков взаймы: больше, дескать, ничем помочь не может. Я ответил, что это и так очень много, и пообещал вернуть деньги в скором времени. Всякий раз, когда мне любезно предлагали денег, я ощущал прилив благодарности и легкую отрыжку стыда и оттого в течение нескольких часов чувствовал себя приободренным и полным решимости взять долбаного быка за рога и поступить с ним, как он того заслуживает. Пыл

мой сгорал, как солома, шелестелки эти я быстро спускал и снова оказывался наедине со своими стремаками.

Прощаясь, Тьерри мялся, ему было неловко бросать меня на улице на ночь глядя:

— Хорошо, ладно… Держи меня в курсе.

Мы натужно улыбнулись и разошлись в разные стороны. Я почувствовал себя мальчишкой, расстающимся с друзьями по летнему лагерю. В таких случаях плакать не принято. Нюни разводить, киснуть. Между тем ни с одной бабой и ни с кем вообще меня не связывало столько, сколько с Тьерри. Лучшее время в моей жизни — это когда мы пихались локтями и обменивались тумаками, копались в ящиках с пластинками, таскались на концерты и ощущали себя, не сознавая того, существом о двух головах, подключенных к одной мозговой сети.

Потом друзья вокруг нас стали взрослеть, говорить о деньгах, о своих успехах, обзаводиться детьми и планами, как сделать карьеру. Мы с Тьерри ухитрились выгадать несколько лет, не сдавались до последнего. А потом шутки кончились, занавес опустился, и теперь я уже плохо понимал, куда все катится.

* * *

Я пристроился в гостинице на бульваре Барбес, рядом с магазином «Шампьон». Грязновато, конечно, но не слишком.

Самочувствие — супер. Столько месяцев я не вылезал из депресухи, неотвязной, как насморк, а теперь, когда меня накрыло реально, когда не видно было просвета нигде, я радовался, как ребенок, которому пообещали новую игрушку.

Лег одетым и в наушниках, врубил «Студжес». Подобно пресловутым прустовским «мадленкам», мелодии из «1969» возродили в памяти лица, обстановку и всю атмосферу… я ощутил, до какой степени обременен воспоминаниями, но в тот вечер мне это было даже приятно…

Я забил последний косяк и, засыпая, понял, что моя радость не просто физиологическая защитная реакция мозга на грозящую катастрофу. Радость вырастала из очевидности: я хотел увидеть, что собой представляет моя дочь.

На другое утро я позвонил Алисе.

Часть вторая Отец и дочь

И еще мой отец говорил: этот мир не удался, и нет оснований полагать, что другой лучше.

Поль Моран[5]

Эскалатор, поднимающий из чрева метро на поверхность земли. Вереница людей, жмущихся вправо, пропуская тех, кто спешит выкарабкаться побыстрей. Наверху уже проглянуло небо — расширяющийся квадратик ослепительного света.

Алиса, как мы и договорились, ждала меня у входа в парк, рядом с ней я увидел рослую девочку — Нанси не могла быть такой большой.

Я сник, меня подмывало развернуться, дать дёру к себе на Барбес. Как это все-таки несправедливо — с моим мальчишеским умом оказаться загнанным в тело взрослого человека. Если бы мир был устроен по справедливости, меня бы привела сюда мама, крепко держа за руку, научила бы, что сказать и как, да еще прикрикнула бы, вздумай я дурить. А вместо этого — нате пожа-

---

[5] Примечания: 5

Поль Моран (1888–1976) — французский писатель.

луйста — я сам должен идти уверенным шагом навстречу тринадцатилетней дочери.

Подойдя ближе, я понял, что это, несомненно, она, поклонился:

— Очень приятно. Надо же, ты совсем взрослая.

И сам порадовался: какой же я все-таки сукин сын — лицемер. Я прилепил себе на лицо доверчивую улыбку во весь рот и уже ее не снимал. Я чувствовал себя до такой степени затравленным, что, спроси меня кто-нибудь тут же на месте, как девчонка выглядит, какого цвета у нее волосы, какое пальто, хорошенькая ли, я не сумел бы ответить. Я ничего не видел, не регистрировал никакой информации, просто улыбался, как последний кретин, стараясь устоять на месте, не смыться.

Мелькнуло в голове, что я бы, пожалуй, трахнул Алиску. И вообще, могли бы с ней приколоться.

Она, однако, обнадеживать меня не стала, была холодна как лед, нелюбезна. Улизнула почти сразу, не взглянув на девчонку; нет чтобы жестом каким-нибудь изобразить: «Сожалею, мол, что так получилось», или сказать: «Надеюсь, вы поладите». Нет, просто вскочила в такси, опаздывая, возможно, на важную встречу, а перед этим по-

просила меня забросить девочку домой к няньке. К чему я не был готов, так это к обеду с глазу на глаз, я предполагал, что сяду напротив Алисы и «дочки», присмотрюсь к ним, отвечу на два-три вопроса. Меня ошарашило, что мать так легко доверила мне дочь, не выяснив даже, может, я давно шизанулся.

На Нанси я боялся даже взглянуть.

— Есть хочешь? — произнес я с наигранной небрежностью, понтом прикрывая страх, — это как духи на потное тело.

Она кивнула и ринулась в ближайшую пивную. Наверное, я позеленел, имеющаяся у меня наличность никак не соответствовала типу заведения: облома не миновать. Однако же я смолчал. Сжался в комок, прикидывая в уме, сколько мне не хватит, и судорожно соображал, кого призвать на помощь.

В итоге отправил эсэмэску Сандре: «Можешь радоваться — я на Порт-Шамперре с девчонкой, нечем расплатиться. Help»[6]. Она тут же ответила: «Еду», и я подумал, что она не такая уж дрянь.

Нанси понуро и скептически наблюдала, как

---

[6] Примечания: 6
Help — помоги *(англ.).*

я играюсь с мобильником. Последние сомнения относительно моего отцовства растаяли сами собой. Она была до ужаса на меня похожа. Мое лицо с наложенными на него там-сям материнскими черточками, только волосы неизвестно чьи, рот Алисин, а подбородок, должно быть, от Алисиного отца, насколько я его помнил. Такое вот странное существо, хотя, несомненно, одной со мной крови.

Глядя на нее, я испытывал неловкость. Во-первых, моя маленькая дочь была уже совсем не маленькой. Она доходила мне до плеча, все повадки взрослые, со стороны я легко бы дал ей семнадцать. Во-вторых, моя маленькая дочь одевалась совсем не по-детски. Я, понятно, улыбался, глядя на то, как она вырядилась для нашей встречи, изображал такого толерантного, ненавязчивого, с юмором, но внутри меня переколбасило.

Сношенные, линялые «пумы», грязно-серые спортивные штаны сидели низко на бедрах, а поскольку она была полненькой, над ними валиком нависал животик, и я заподозрил, что ей нравится выставлять напоказ свою нескладность. В ней чувствовалось что-то агрессивное и одновременно какая-то подавленность. Паршивый джемпер тусклого зеленого цвета с капюшоном и драными

манжетами. Я невольно отметил, что у нее уже появилась грудь — две нелепые острые выпуклости. Волосы падали на насупленное лицо, она, как видно, привыкла постоянно дуться.

Она скучала и не скрывала этого. Подперев рукой щеку и нарочито скособочив физиономию, она рассматривала старушек за соседним столиком.

Мне нужно было что-то говорить, я жалел, что пришел, и утешал себя только тем, что больше на эту удочку не попадусь. Стейк с пюре, и баста.

Наконец она соизволила повернуть голову в мою сторону, зевнула во весь рот и буркнула:

— Воображаю, тебе мама наговорила, что я мечтаю тебя увидеть, но мне вообще-то начхать.

— Я все-таки твой отец!

Прозвучало неестественно. Гневно-обиженный тон изумил меня самого, и я расхохотался как безумный.

Маска пофигизма сошла с ее лица. Она скуксилась, сгорбилась суперкомично, затравленно огляделась, словно бы чего-то стыдясь. И я вдруг заново пережил ощущение стыда, какой испытывал в ее возрасте, видя, как ведут себя иные взрослые, как они кидают понты, несут несусветную чушь, полную туфту, теряя всякое

достоинство. Прошиб ужас от самой возможности уподобиться им. Никогда этого не вспоминал, а тут, увидев ее мину, сразу воткнулся. Заглянул ей в глаза и перестал смеяться. Собрался с духом:

— Я не знал о твоем существовании. Когда узнал, в ужас пришел. А потом, через несколько дней, понял, что это даже прикольно, и мне захотелось тебя увидеть.

Произнося это, я почесывал себе затылок, мялся, подбирал слова, всячески показывая свое замешательство в расчете на ее сочувствие. Она потерла себе нос и пройдошливым, типично мужским движением резко склонила голову, метнув на меня исподволь оценивающий взгляд. Где она это подхватила?

Напрасно я делал знаки гарсонам всякий раз, когда их видел, — они нас не замечали, и я почти не сомневался, что они это нарочно — может, неосознанно, но нарочно, — они чуяли во мне обломанного фраера, которому это заведение не по средствам.

Теперь Нанси разглядывала меня в упор, внимательно и безо всякого выражения на лице. Я спросил:

— Я тебя разочаровал?

— Нет, меня мама предупреждала.

— О чем?

— Чтобы я себе ничего такого не воображала.

— А ты б хотела иметь какого отца?

— С большим мотоциклом.

— Я езжу на метро…

— Мама сказала, ты, типа, нищий.

Мой социальный статус она, похоже, находила весьма занятным.

В конце концов нам все-таки удалось сделать заказ, она взяла лазанью на закуску и стейк с жареной картошкой. Я восхищенно присвистнул:

— Ты знаешь, сколько это здесь стоит?

— Я хочу есть.

— От этого оно дешевле не станет.

Она задумалась, не зная, как видно, насколько серьезно отнестись к моему ответу.

Ела она согнувшись, уткнувшись носом в тарелку и окунув туда прядь волос. Вилку держала всей ладонью, будто лопатку, заглатывала с жадностью.

Словом, достала меня, и я буркнул:

— Давай я тебя всей мордой туда макну.

Она резко выпрямилась, явно удовлетворенная моей реакцией. Переходный возраст, вспомнил я, не зря он считается поганым.

Я спросил, слушает ли она музыку, и она, ожи-

вившись впервые за все время обеда, сообщила, что раньше зависала на Бритни и Джей Ло, но теперь уже старовата для этой фигни. Назвала кучу хип-хоповских групп, именуемых скай-роком, о которых я и не слышал. Тогда она стала исполнять мне отрывки, размахивая ручонками, типа, какая она крутая, и потешно имитируя акцент предместий. Мне показалось, она нарочно пытается шокировать меня вульгарными словечками. Но чувство ответственности и беспокойство, которыми проникаешься при общении с детьми, тогда еще не овладели мной. Я видел перед собой просто толстощекую девочку с блестящими глазами, дергающуюся за столиком в дорогой пивной и выдавливающую из себя блатные тексты. Она походила на мультипликационную белку. Подытожила она так:

— Я теперь слушаю только хип-хоп. Мамаша с ее расистскими идейками от него на стенку лезет.

Вся ее речь ершилась шпильками, которые она выпускала с наигранной наивностью. С невиннейшим видом она метала пробные бомбы, всякий раз поглядывая на меня и ловя мою реакцию.

Я боялся ей наскучить, разочаровать ее, боялся,

что она сочтет меня нулевым. Старался завоевать ее симпатию. Подыскивал, что сказать. Тронув драный манжет джемпера, я спросил:

— Отчего это у тебя?

— А я их грызу.

И показала как: ухватив манжет зубами, потянула изо всей силы с идиотским видом.

— Очень умно, — сказал я.

Увидев, что я не слишком шокирован, она еще чуточку расслабилась. Ей небось осточертело постоянно находиться среди взрослых зануд. Смутно вспомнилось собственное отрочество. Родственники из всего делали трагедию, ко всему цеплялись, лишь бы поставить меня на место: мальчишка несносен, не знаем, что с ним и делать.

— А у тебя еще есть дети?

— Нет. Ну, насколько я знаю.

Она не скрыла разочарования. Я стал оправдываться:

— Не потому, что я не люблю детей, просто жизнь у меня такая…

— Значит, у тебя нет сына? Фигово. Я бы хотела иметь старшего брата. У меня, типа, был один, мама тогда завела жениха с четырнадцатилетним сыном. Он ездил на байке, обещал меня покатать,

но не получилось… Мама разругалась со своим дружком.

Слово «четырнадцатилетний» она произнесла так, как я бы сказал «гитарист из „Бэд Брейнс“», — с придыханием.

— У тебя было много… отчимов за все это время?

— Ага, навалом… И все — кретины. Нам с мамой везет на кретинов.

— А теперешний?

— Лучше других.

— Симпатичнее?

— Богаче.

В отличие от прочих ее суждений, последнее не содержало подковырки. Она констатировала некую очевидность, не осознавая ее дикости.

Если бы мы были знакомы ближе, я бы обнял ее и сказал, что все это муть и фигня и чтоб она не втягивалась в эти игры.

Когда дошло до десерта, Нанси принялась яростно мешать шоколад, превращая его в плотную массу, совсем как маленькая.

Две разные версии ее самой боролись в ее теле и проступали поочередно. Она еще не сделала выбора между детскими часиками «Китти» и браслетом с шипами.

Я начал нервничать, что Сандра не идет, и принялся слать ей тревожные месседжи. Ко мне вернулось до боли знакомое ощущение неминуемой угрозы, подавленности, невозможности противостоять обстоятельствам. Так было до моего затворничества. Все невмоготу. Малейший облом, и тебя уже повело. Нанси наблюдала, как я нервозно вожусь с телефоном.

— Пишешь своей пассии?

— У меня нет пассии. Я пишу приятельнице, которая должна подвезти мне денег.

— Зачем? За жрачку заплатить?

Меня снова передернуло: у нее проскакивали выражения шпаны из предместья. Я подумал, что это негативный эффект введенных на радио квот на исполнение французских песен, от них-то у благополучных детей и возникает тяга к речи отморозков.

Она вынула из сумочки кошелек:

— Не бойся, у меня есть.

И в подтверждение своих слов достала пачку банкнот. У этой маленькой засранки и в самом деле было чем заплатить. Я покачал головой и рассмеялся через силу:

— Что, с мозгами не в порядке?

С годами я привык, что многие бабы гораздо

лучше меня умеют зарабатывать деньги. Теперь, получается, и дети ходят с кошельками куда толще моего. От сознания, что это моя собственная дочь, легче не становилось. Я разом ополчился на себя, на мир, на ее мать… Ярость закипала во мне, хотя я еще не знал точно, на что ее обратить.

Сандра обещала подъехать, «такси в пробке, но недалеко, скоро буду». Мы с Нанси не знали, о чем говорить. Она подвела итог:

— Думаешь, мы еще увидимся?

Я ответил чинно, бодро, с чувством ответственности:

— Можно, если захочешь и твоя мама не будет возражать.

Она продолжила неумолимо:

— В ночной клуб меня сводишь?

— Ты еще мала.

— А разрешишь выкрасить волосы в синий цвет?

— Нет. Не думаю, что это понравится твоей маме.

— Может, отведешь проколоть язык?

— Нет.

— А татуировку сделать?

— Нет.

Она вздохнула, сокрушенная безмерной неспра-

ведливостью. Не зная, что спросить еще, она все-таки проканючила:

— Купишь мне кроссовки на платформе?

— Говорю тебе, я на нулях.

Она напрягла воображение, думая, что бы с меня получить:

— А ты, случайно, не знаком с Джоем Старром[7]?

— Нет.

— Ладно… А как насчет Аквабульвара?

— Нет проблем.

— Кул.

Обрушившаяся на нее обойма отрицательных ответов ее нисколько не смутила. Она задумалась, а потом заявила беспечно и с понтом:

— Вообще-то я знала, что ты не умер. Давно догадалась.

— Как?

— Никогда не отмечали день твоей смерти, фотографий твоих нет в доме, про родителей твоих — ни звука… Я знаю в школе девочек, у которых отцы умерли, — у них все совсем не так.

— И тебе не хотелось узнать, где я?

— Послушай, у меня своих дел до фига. Я, может,

---

[7] Примечания: 7

Джой Старр (р. 1967) — один из первых французских рэпперов.

и занялась бы этим, но… попозже.

Она разговаривала со мной, как со старым человеком: осторожно, словно бы щадя и оберегая от жестокой реальности.

— А правда, что ты убегала из дома?

— Я два раза прогуливала школу и возвращалась домой в семь часов. Тоже мне побег.

— Что ты делала, когда прогуливала школу?

Она пожала плечами, надменно вздернула подбородок и, избегая моего взгляда, неумело солгала:

— Гуляла, ездила на метро, в кино ходила…

«Ездила на метро» она вывела таким тоном, будто говорила «убивала старушек», подразумевая что-то жестокое и порочное, от чего у мало-мальски разумного человека должен вырваться громкий крик негодования.

Интересно, как же все-таки проводила свободное время эта, в сущности, маленькая девочка, пытающаяся строить из себя крутую. Она между тем продолжила эксперимент:

— А мобильник мне купишь?

— No way[8].

Тут наконец возникла Сандра, вид улётный. За

---

[8] Примечания: 8
Еще чего *(англ.).*

два года, что мы чуть ли не каждый день переговаривались по телефону, я не видел ее ни разу. Я понял, почему она долго ехала: чтоб так выглядеть, нужно время. Туника «электрик» поверх блестящих черных брюк, распущенные черные волосы до плеч, черные туфли на высоком каблуке, словно бы из сундука времен Второй мировой войны, придающие ее походке одновременно женственность и властность, длинное кожаное пальто в стиле «фанк». Пышная грудь, бедра, глаза светлые, серо-голубые, белая в веснушках кожа. Нанси впилась в нее взглядом, совсем позабыв, что возраст обязывает ее хранить скептическую мину. Вынув руку из кармана, Сандра протянула ее Нанси, Нанси увидела громадные перстни с черепами, орлами, фараонами и а-ля Hell's, и ее совсем повело.

* * *

Мы попрощались с Нанси у подъезда. Мне интересно было подняться взглянуть на няньку, но девчонка, похоже, к этому не стремилась.

Позвонил Алисе, сообщил, что все прошло ОК. Я ожидал расспросов и все такое: «Как она тебе понравилась», «Хорошо ли поела», «Ты молодец, тебе, наверное, пришлось нелегко», но мама-

ша была слишком «закручена», чтобы со мной болтать. Я удостоился лишь краткого «мерси» и обещания связаться.

Сандра ждала меня в пивной у стойки.

— Прикольно видеть тебя на улице.

— Подумать только, два года я внушал окружающим, что не могу выходить, они только-только дотумкали, и теперь пройдет еще два года, пока они усекут, что я-таки вышел…

— Стремопатия не одолевает?

— Пока нет. И потом, у меня при себе лексомил, стрессам, экванил, урбанил, темные очки и еще смешные такие оранжевые пилюльки — мне их, когда я руку разбил, дали, — ступорят клево. Еще есть диантальвик — расслабляет.

— Ты нашел, куда вписаться?

— Гостиница на Барбесе.

— Ну да, там подешевле.

— Там девки офигительные. Я когда утром спускаюсь в бар выпить кофе, сажусь к окну и глазею. И хочется всем им сделать детей.

— Понравилось, значит?

— Это так, фигура речи.

Вообще-то я выбрал Барбес, потому что это недалеко от нее. Сандра продолжительно вздохнула:

— Хочешь, переезжай ко мне.

— Наконец-то!

— Нахал ты. Ведь понимаешь прекрасно, что мне это неудобно.

— А мне, думаешь, на улице удобно? Да ты не вибрируй: мы чудненько поладим…

* * *

Мы вышли и стали ловить такси. Стоял туман, машины еле ползли и все время гудели. Я исподволь разглядывал Сандру.

Никогда не подозревал, что она ходит такая разряженная и губы красит так ярко, да еще носит байкерские перстни. Стремно оказаться вдруг в ее власти.

Площадь была запружена машинами; полный атас: туча застопоренных автомобилей с одинокими менами внутри, каторга натуральная. Я вспомнил Нанси, и ни с того ни с сего мне сделалось грустно. Сандра прыгала с ноги на ногу, пытаясь согреться.

— Это поразительно, до чего она на тебя похожа… Ты, наверное, сам ахнул.

— Обидно, что я не знал ее маленькой. Что она уже не увидит меня молодым. Интересно, каким бы я был, выложь Алиска мне это раньше.

За годы, прожитые с Катрин, я научился зад-

ним числом подмечать ошибки в собственной речи, но избавиться от них не избавился. Когда мы только познакомились, я бравировал тем, что говорю, как дебил. Мне это казалось очень мужественным, — дескать, я такой бывалый и прочее. Со временем я обнаружил, что разговаривать иначе у меня не получается, что оно ко мне прилипло, и веселого тут мало. Это вроде сыра, который в мышеловке: сначала радуешься как дурак, а когда захлопывается, спохватываешься — ан поздно.

Воспоминание о Катрин полоснуло меня по сердцу, сжал в руке мобильник: неужели она мне так никогда и не позвонит? Неужели ей лучше, что она от меня избавилась?

Перед нами остановилось такси, за рулем миниатюрная арабочка, волосы стриженые, лукавая мордашка. Она тянула маленький косячок и вела машину как полоумная. Печальная, как блюз, мелодия raï[9] заполняла салон.

Я сказал задумчиво:

— Боюсь, девочку ждут большие проблемы с ее матерью.

Сандра откинула голову назад, я заметил, что

---

[9] Примечания: 9
Стиль в музыке, идущий от алжирского обрядового пения.

она выглядит измученной.

— Эти проблемы так или иначе возникают у всех девочек.

Она уставилась в потолок кабины и некоторое время сидела неподвижно, сложив руки на животе. Я глядел в окно, на тротуаре пешеходы с недовольными рожами ожидали, когда поток автомобилей остановится и можно будет перейти.

Сандра вскинула руки и скрестила их за головой, отчего грудь ее поднялась, напряглась призывно. Никогда не мог понять, нарочно ли девицы принимают такие позы или у них в самом деле это получается безотчетно.

Я отвернулся к окну, мысли мои спутались. Крепкие ли у нее яблочки, если их потрогать, любит ли она, когда ей прикусывают сосок, как ведет себя в процессе, закрывает ли глаза, напевает ли; от ее ляжек веяло уютом, это поразило меня еще при первой встрече. Она выглядела немного слишком отвязной, чтобы я запал на нее всерьез, но в то же время аппетитной и возбуждающей.

Таксисточка заинтересовалась нашей беседой:

— Сколько лет этой девочке?

— Тринадцать.

Она аж присвистнула:

— С девчонками тут надо поосторожней. Очень

ранимый возраст.

Сандра встрепенулась, растянула губы в понимающей улыбке, склонилась к водительскому креслу, и они заговорщически зашушукались, сочувственно друг другу кивая. В их болтовне я не понимал ни слова, внимания на меня никто не обращал, я втянул голову в плечи и снова уставился в окно. Такой красивый город и такая, блин, мясорубка.

Раньше, когда речь шла обо мне одном, образ эпохи как «концлагеря, охраняемого варварами» меня мало колебал. Теперь же я сознавал, что Нанси предстоит вырасти в этом аду, предстоит расквасить свою подвижную рожицу о чертову реальность, и ужас сводил мне нутро.

* * *

Дома Сандра устроила все самым корректным образом. Указала мне мое место: диван-кровать, освободила в шкафу отделение для моих джемперов и дисков, потом изложила правила общежития:

— Без меня в мою комнату не входить. Когда я дома, желательно меня не беспокоить, особенно если я сплю или работаю. Всегда стучать. Не заваливать кухню коробками из-под всякой всячины.

Если нет молока, спуститься и купить…

Я довольно скоро перестал слушать. Не больно приятное начало. Ощущение, что я семьсот пятьдесят первый человек, кого она пускает пожить. Это, между прочим, ломало весь кайф.

Затем она закрылась в комнате, чтобы закончить статейку о нео-металле. Хотел я ей высказать, что ни фига она в этом не сечет и потому лучше бы не совалась, а потом плюнул.

Чистенький пол, плюшевые игрушки, пылящиеся наверху стеллажа, книжки карманного формата в ряд по соседству с альбомами «Ташен», комиксы французские, комиксы японские — этот пестрый набор отражал, по мнению Сандры, ее собственные вкусы, однако точно такой же наверняка можно было увидеть у тысяч и тысяч девиц. Разбросанные на полу подушки, тощие, тянущиеся к свету растения напоминали о том, что здесь проживает тусовщица со стажем, не забывшая еще былых времен. На полу стопками, доходящими мне до пояса, сложенные CD — она получала их десятками каждое утро.

Нервозность тоненькой струйкой пролилась во мне от горла до самых кишок. Подступала смурь, хотелось лечь, задернуть занавески, запереться, спрятаться и тихо зализывать раны, как побитая

собака. Я представил себе, что в голове существует специальный фильтр, отсеивающий все лишнее, вроде почек, но для души. У меня он, наверное, прохудился и пропускает, что должен задерживать. Потому-то все и причиняет мне такую боль, в меня просачиваются какие-то острые твердые частицы, накапливаются, мешают дышать.

Я открыл сумку, проглотил три урбанила и встал перед окном.

До меня вдруг дошло, что с Катрин все кончено взаправду, дошло впервые с тех пор, как она об этом сказала. Любая вещь в квартире Сандры напоминала мне о моей прежней жизни. Я знал наперед, что еще несколько месяцев буду зациклен на Катрин, буду чувствовать запах ее шампуня и противотабачных свечей, которые она зажигала по вечерам, мне будут мерещиться ее джемпера с вырезом буквой V, заколки для волос, которые она разбрасывала повсюду, недорогая губная помада из «Монопри», которой она не пользовалась… Еще несколько месяцев я буду неотступно перебирать в голове все мелочи, в которых воплощалась для меня Катрин, считать их материализацией женского начала, необходимого мне для счастья. Потом это пройдет. И, как уже бывало раньше, я переключусь на что-ни-

будь другое.

Для начала я ради интереса нарушил первейшее из правил и пошел к Сандре, хотя она работала. Просунув голову в дверь и взглянув мельком на огромную и очень удобную с виду кровать, я спросил:

— С нео-металлом все в порядке?

Сандра не отвела глаз от монитора. Работала она на крошечном столике в окружении бумаг, горами сваленных на полу. Она изобразила гримасу, обозначающую, вероятно, что я не вовремя:

— Если ты оставишь меня в покое, я через час освобожусь.

Я примирительно поднял руки:

— ОК. Я только хотел предупредить, что собираюсь смотреть «Звездный десант»…

С тем я закрыл за собой дверь. Видимо, в металле все-таки что-то не клеилось.

* * *

Не успел я разобраться, какой кнопкой включается DVD, а Сандра, забросив статью, уже сидела возле меня.

На столе перед нами она разложила принадлежности для маникюра. Будучи не дома и тем

более только вселившись, я не решился сказать, что не переношу запаха растворителя, равно как и лака. И приготовился, что меня будет мутить в течение всего фильма.

Потом мы долго чертыхались, что нельзя прокрутить начало, когда идут всякие предупреждения о запрете на копирование, на то, другое, третье, да еще заставки студии «Юниверсал», и вас вынуждают все это кушать.

— Это они умеют, они вас и в вашей собственной квартире достанут.

Сандра вопила «фашисты!» и от возмущения подскакивала на диване.

Зазвонил мой мобильник, оказалось, это Алиса, я вышел в коридор выслушать, что ей надо.

Она сказала, что девочка в восторге, только обо мне и говорит и хочет, чтобы мы поужинали у них втроем. Алиса, похоже, была сама не рада, что заварила эту кашу. Она долго листала ежедневник, долго раздумывала, потом наконец соизволила назначить день. Я же не мог удержаться от язвительных замечаний, поскольку не сомневался, что она делает это нарочно, показать желает, как ей, дескать, некогда. Я готов был поклясться, что она выпендривается, однако в дальнейшем убедился, что она и вправду порядком занята.

Когда я вернулся в гостиную, Сандра кивнула на экран:

— Внимание: шедевр киноискусства.

Катрин всему предпочитала скучнейшие, никакие, в сущности, французские комедии голубоватого оттенка. В ней чувствовался душок журнала «Телерама» и всей этой клюквы. Давненько уже я ни с кем на пару не смотрел идиотских американских страшилок. Сандра спросила:

— Все мирно?

— Малышка хочет меня видеть. Поэтому Алиса пригласила меня на ужин.

— Стремно?

— Есть малость. Но не позвони она, я бы тоже огорчился. Так что жаловаться не приходится.

— Хочешь, на картах погадаю?

Я ничего не ответил, только посмотрел на нее. Интуиция подсказывала мне, что ответа и не требовалось. Сандра пожала плечами:

— Я уже погадала. И могу тебе сказать: все сложится удачно.

— Тем лучше.

— Погоди: поплакать тебе все-таки придется, и не раз.

— Спасибо, что предупредила.

— А я думала, ты в это не веришь.

* * *

На другой день я решил прогуляться. Самое трудное — сделать первый шаг, преодолеть страх. А там, на воздухе, неуверенность и тревога рассасывались сами собой. Не то что два года назад, когда у меня это только начиналось. В ту пору стоило мне дойти до первого перекрестка, как меня пронизывало ощущение неминуемой опасности, смешанное с сознанием собственной беспомощности, я поворачивал назад, и ничто на свете не могло заставить меня выйти на улицу снова. Это был кошмар в натуре. Теперь он благополучно развеялся, и я, как в былые времена, с наслаждением брел наугад, смотрел, как от квартала к кварталу меняется город, погружался из одной атмосферы в другую.

Более двух часов я в какой-то отключке шатался от Клиши до Оперы и назад через площадь Республики. Мне повстречалась девица с неправдоподобно длинными ногами, затянутыми в блестящие брюки, — ну чисто русалка. Я наткнулся на чуваков, развалившихся на тротуаре возле табличек с надписями, полными орфографических ошибок — они, типа, денег просили. Сплошь

да рядом попадались дети, бегущие впереди родителей, и дети, которых родители вели за руку. Что ж, нормально: с тех пор как у меня самого появилась дочь, город заполнился детьми.

Временами голова у меня шла кругом, так как не успевала переварить обуревающие меня эмоции. Я сам не понимал, что я обо всем этом думаю и куда подевались мои пресловутые язвительность и флегма, не говоря уж о цинизме. Все представлялось мне ясным, как после косяка космических размеров.

Я позвонил Катрин: подмывало рассказать ей про Нанси. Мне, разумеется, хотелось, чтобы она разволновалась, чтобы ловила каждое мое слово, ну как Сандра, например. Но она осталась неподдельно холодна, и я не решился откровенничать. Мне было не столько больно, сколько странно, что она не дрогнула. Возможно ли, чтобы я так скучал без малейшей взаимности? Затем смутно начала закипать ярость. Против тех, кто на нее влиял, ничего не зная о нас двоих, против нее самой, не сумевшей защитить наш эфемерный, как мыльный пузырь, мирок, позволившей ему лопнуть под давлением идиотских условностей вроде мнения ее психоаналитички или любимой подружки. А эта сука-психичка — интересно, с

кем она засыпает по вечерам? А сучки-подружки — кто гладит их по спинке все воскресные утра напролет, кто так внимателен к ним, что готовит им всякие деликатесы? Она могла меня упрекать в чем угодно, но готовил я хорошо. Только под конец, видать, я ее так заколебал, что ей уже и моя забота поперек горла стала. Отношения осложнились. Она ворчала, что я ее закармливаю тяжелой пищей, чтобы она растолстела и никому не нравилась. Если вспомнить, то уже некоторое время все оборачивалось против меня, она, видать, хотела от меня избавиться. Я думал, это пройдет. Я совершенно искренне воображал, что в одно прекрасное утро встану и примусь за работу, что это случится само собой, я напишу роман одним духом, и она будет радоваться и гордиться, что поверила в меня. Конечно, я бы ей изменил… Зависая целый день перед телевизором, я только о том и думал — даже списки составлял, — как я их всех переимею и в какой последовательности, когда стану знаменитым, как Уэльбек. Но я бы изменял тайно, осторожно, не причиняя ей боли.

Я перезвонил ей и брякнул с ходу:

— Если ты хочешь ребенка, знаешь, я могу тебе его сделать. Меня это больше не пугает.

— А пошел ты знаешь куда!.. Мало ты мне

жизнь попортил?

И повесила трубку. Меня это взбесило, я решил в своей книжке смешать ее с дерьмом, рассказать, что в постели она не ахти, описать ее гнусную манеру с самодовольством кассирши безапелляционно судить обо всем на свете.

При разрыве с любимым человеком испытываешь совершенно особенную боль. Очень отчетливое, единственное в своем роде, ни с чем не сравнимое ощущение. Мука, исполненная желчи и страха, пробуждающая в тебе какие-то зоны, о наличии которых ты и не подозревал. Точно так же, когда защемляется нерв в позвоночнике, ты вдруг понимаешь, со сколькими разными движениями связано это место, раньше для тебя как бы и не существовавшее.

У меня ныли ноги от усталости. Поначалу это было даже приятно — подтверждало, что я жив. Но вскоре сделалось мучительным.

В итоге я спустился в метро. Накануне я уже ездил на метро и надеялся, что излечился и от метрофобии тоже. Но позабыл, однако, о неумолимом часе пик.

Толпы людей устремляются по коридорам, норовя растоптать друг друга и едва уворачиваясь от встречного потока. Куртки темно-синие,

коричневые, серые, черные, множество бритых черепов. Чудно все-таки оболванивать себя до такой степени без необходимости. Затаенная враждебность. Афиши, цепляющие тебя на протяжении всего пути: пляжи под голубыми небесами, мебель, кинофильмы, первые страницы газет.

Я прошел в конец платформы. Женщина с большущими чемоданами, японки кучкой, клошар, слушающий музыку в наушниках и прячущий корявые руки между колен. Пассажиры, теснящиеся у края платформы.

Резвая мышка шмыгнула у нас под ногами. Два пацана попытались ее раздавить, промахнулись, побежали вдогонку.

Первый поезд я пропустил — народу много. Другие ожидавшие постарались втиснуться любой ценой. Я за ними наблюдал. Только я да бомж не стали забиваться в переполненный вагон. Я видел, как они стоят впритирочку с постными лицами, того гляди заснут, покорные, со всем смирившиеся. Не замечая никого вокруг, каждый порывался ухватиться за свободный участок общего поручня. Не знаю, можно ли считать психическим сдвигом мое нежелание оказаться в этом вагоне.

Я пропустил второй поезд, менее набитый, но

все-таки. Я сидел себе спокойненько на красном стуле и вдруг отчетливо вспомнил, как однажды мой поезд застрял в тоннеле: что-то произошло с электричеством, тогда-то у меня и случился впервые приступ стремопатии. Ты заперт под землей, закупорен в металлической камере, затравлен взглядами, сделать ничего не можешь, остается только терпеть и ждать. Сейчас начнем задыхаться, страшные картины наезжают одна на другую. Убивает беспомощность, невозможность бежать. Так вот все и началось, с панического страха в метро. Потом я несся как очумелый, пока не выбрался на воздух. Я сам не понимал, что это было. А потом потихоньку пошло-поехало, депресня и полный облом. Я потерял два года жизни.

Некоторое время я сидел на платформе. Клошар заснул под треск своих наушников. Я смотрел, как люди ждут, садятся в поезд, выходят, направляются на улицу. Нет, мне с ними не по пути.

* * *

Перед тем как идти на ужин, я промаялся целый день. Мои единственные кроссовки омерзительно скрипели, рубашки и джемпера были либо в пятнах, либо прожжены сигаретами, либо просто рвань. Я смурнел и возбухал. Сандра словно бы

и не слышала, как я бухчу, чертыхаюсь, швыряю обувь через всю прихожую, хлопаю дверцами шкафа и распинаю себя перед зеркалом: «Чтоб тебе провалиться, старый хрен, с твоей дерьмовой рожей». Она невозмутимо сидела на диване с пультом от телевизора в руках. Готовила статью о фильмах Расса Мейера[10]. Мне бы этим воспользоваться, сесть с ней рядышком, пересмотреть милые старые ленты. За этим приятным занятием провести день. Но я решил его испоганить. Меня раздражало, что она не принимает во мне никакого участия, не пытается меня успокоить, ободрить; пусть бы обругала, но хоть как-то отреагировала. В конце концов я встал перед ней, уткнувшись носом в оконное стекло, и, заложив руки за спину, произнес:

— К черту, я никуда не иду.

— Кончай страдать фигней, нечего тут спектакли устраивать. Напоминаю тебе: ты работаешь.

— Не в этом дело… У меня все-таки есть самолюбие. Я похож на старого оборванца.

— Надеюсь, ты не рассчитываешь, что я одолжу тебе бабок на покупку одежды?

В глубине души именно на это я и рассчитывал.

---

[10] Примечания: 10

Расс Мейер (1922–2004) — американский кинорежиссер, один из основателей порнокиноиндустрии.

Но она уже погнала волну.

— Я тебе не мамочка, так и запомни. Тринадцать лет не тебе, а ей, и заботиться надо о ней, а тебе уже тридцать, и ты мне осточертел. Что у тебя на уме? Хочешь трахнуть ее мать, да? Говоришь себе: девчонка еще недостаточно нахлебалась, надо бы еще матери вставить? А ты не видишь, что я занята? Тебя это раздражает, да? Ты тут вселился, тебя устраивает, что за жилье плачу я, так дай же мне спокойно работать. Что ты вообще своей башкой думаешь?

Ее гнев, повышенный тон подействовали на меня успокаивающе. Я оделся во все черное, заклеил подметку на кроссовках и решил, что выгляжу вполне сносно.

* * *

На ужин я отправился пешком. По дороге мне встретился пацан на роликах с розовыми мигающими колесами. В стиле диско. А еще негр на велосипеде, в огромной шляпе и с каким-то диковинным инструментом за спиной; поравнявшись со мной, он спросил, как добраться до Восточного вокзала. Я объяснил. К ботинкам его были аккуратно привязаны веревочками картонные подметки, он говорил мелодичным,

хорошо поставленным голосом. Выслушав меня, он поблагодарил и, стоя на педалях, отправился в направлении, противоположном указанному.

Холодок на улице был даже приятен — бодрил.

Оказавшись в семнадцатом округе, я стиснул зубы. Не любил я его.

Ближе к их дому стали попадаться проститутки. Вдоль всего тротуара. Юные, красивые, нарядные. Они стояли всего в нескольких метрах друг от друга, но между собой не разговаривали. В этом чувствовался какой-то сюр. Обычно, видя проституток, я проклинаю свою застенчивость и бедность, так как не могу пригласить их со мной пройтись. А тут — ничего подобного. Они стояли манящие, соблазнительные и все такое, но что-то в них было не то — мутантки какие-то, они не столько вызывали желание, сколько леденили кровь. Пройдя еще несколько метров, я понял, в чем дело: размалеванные или вовсе без макияжа, разные, все они были приблизительно одних лет с Нанси.

Меня удручило неожиданное вторжение морали в мою сексуальную жизнь. Неужели оттого, что у меня появилась дочь, я теперь превращусь в тухлого засупоненного старичка, убивающего радость вокруг себя?

Я сделал над собой усилие, присмотрелся к их ногам, улыбкам, позам, подумал, что они такие доступные и стоят здесь специально для «этого». Но ни фига: кроме раздражения, что они такие юные, я ничего не ощутил.

Правда, было там все-таки две-три, с которыми, если очень постараться, я бы, наверное, смог.

Просторный подъезд весь в зеркалах, чтобы добропорядочные люди могли оглядеть себя с головы до пят, прежде чем показаться обществу. Мне это дико не понравилось. «Да кем она вообще себя воображает, что живет в таком хаусе?» Каморка консьержки, никаких почтовых ящиков, лифт по последней моде. Каждая кафелинка на полу кричала мне о моем ничтожестве.

Дальше, в квартире то есть, мне еще похужело. Меня раздражало здесь все. От прихожей до гостиной, от низенького столика до любой побрякушки, от самого запаха этой квартиры до печеньиц к аперитиву. Каждая вещь неприкрыто заявляла о своей цене — бешеной, шокирующей, подавляющей. Алиса вела себя как все снобки — будто ничего особенного не происходит, будто не сомневалась, что типы вроде меня чувствуют себя среди роскоши как рыба в воде. Ее бы в полночь на улицу Мира; хотел бы я видеть, как

она там покупает сигареты; а я б стоял и смотрел на нее таким же взглядом, как у нее сейчас: «Тебя что-то смущает? Не понимаю, это же так… естественно».

Нанси вышла из своей комнаты уже в пижаме: голубой плюш делал ее похожей на какого-то крезанутого медвежонка. Показала мне свои рисунки — кошек. Если честно, я понятия не имел, как тут реагировать; ну, промямлил что-то. Потом она уселась перед телевизором. Я испугался, что разочаровал ее, что она сочла меня старым занудой. Но позже понял: ей было важно только одно — что я пришел. И десяти дней не прошло, как я узнал о ее существовании, и вот я уже тут. Она была счастлива, она была бесконечно благодарна мне и больше ничего не требовала. А скажу я что-нибудь про рисунок или нет — ей по барабану.

Я присел на краешек дивана: не приведи бог уронить на него пепел или там капнуть чем-нибудь. Я с усилием сглатывал слюну, до того у меня горло сдавило. От злости, презрения и тоски.

Потом заглянул в детскую — феерическую, иначе не скажешь. Единственная нормальная комната в квартире, хотя и оклеенная всякими диснеевскими фишками. Все остальное — тухлая ботва, прущая наружу мания величия, фасад,

скрывающий пустоту и посредственность. Чтоб так обставить фатеру, надо точно королевой себя возомнить.

Нанси пожелала станцевать нам под Бритни Спирс. Когда она полезла за диском, я смолчал. Мне совсем не хотелось ее одергивать. Такое происходило со мной впервые за очень много лет, приблизительно с ее возраста. Всех остальных людей, которых я встречал, меня всегда подмывало отвести в сторонку и объяснить им в открытую, что они занимаются фигней и только притворяются, будто этого не замечают, и что лучше бы они перестали пудрить мозги себе и другим.

Когда она начала танцевать, у меня перехватило дыхание. Я ожидал чего-нибудь вроде номера из летнего лагеря для детей, когда их выряжают маргаритками, Робин Гудами или дьяволятами. Я, разумеется, не помню в точности, что там исполнялось, но общее впечатление осталось. Я думал, Нанси будет кружиться на пальчиках и подпрыгивать, взмахивая руками. Она же вдруг превратилась в маленькую опытную шлюху, и Алиса равнодушно за этим наблюдала. Девочка крутила попой, посылала воздушные поцелуи, опускалась, вихляя бедрами, и томно выпрям-

лялась. Я остолбенел. Когда она закончила, мать ей вяло поаплодировала. Мамаша, судя по всему, демонический аспект этой сцены попросту не словила. По мне, наверное, было заметно, как я шокирован, потому что Нанси залилась счастливым смехом:

— Кажется, папе мои танцы не по вкусу!

Она минуточку постояла, оценила эффект, произведенный словом «папа», порадовалась про себя, что вовремя догадалась его вставить, и удалилась слушать Бритни Спирс в свою комнату, откуда донесся чудовищный грохот. Видимо, она отрабатывала новые па. Алиса флегматично прокомментировала:

— У нее неплохо получается, скажи?

Я протянул:

— А она не маловата для таких танцев?

Алиса усмехнулась мне в лицо:

— Ты, оказывается, изменился. Я и не знала, что ты такой ревнитель нравственности. Если «папе» вздумается и впредь видеться со своей дочуркой, придется ему спуститься на землю, потому что девочка чертовски продвинута и развязна…

Я собрался с духом, решил повернуться лицом к молодежи, ее сегодняшним нравам, осовременниться:

— Ты хочешь сказать, что она уже…

— Ну нет, до этого еще не дошло.

— Тогда я правильно сказал: она еще мала для таких танцев.

— Она подражает тому, что видит по телевизору.

— Надеюсь, у вас нет эротических каналов?

— Я забыла, что ты чудак.

Алиса забрала волосы в пучок и закрепила их на затылке шариковой ручкой. Она действовала мне на нервы, в ее тоне слышались жалость и снисходительность, будто я какой-нибудь дебил-садовник, а она из милости готова меня нанять. Я спросил:

— Чего-то я запамятовал: я тебя в зад трахал?

Вместо того чтобы ответить «я тоже не помню» и закрыть тему, Алиса изобразила суперобиду. Поразительно: она от меня дочь тринадцать лет скрывала, а я, видите ли, даже пошутить не имею права.

Мы ели какую-то лабуду, доставленную по заказу, мне редко встречался кто-нибудь зануднее Алиски. Чтоб такое самомнение, чтоб так кичиться факанным комфортом, и не только материальным: она всю себя упаковала в броню из идиотских предрассудков. Голова у нее была

забита всякой хренью: биржа, недвижимость, зеленые растения, мебельные магазины, фирменные тряпки, роскошные отели, знаменитые рестораны… Борясь со сном, я попросил ее показать фотографии Нанси, она прошлась туда-сюда по квартире, не переставая душить меня всякой чушью, а потом уселась на место и сказала, что фотографий не нашла. Нанси ела перед телевизором под кассету Мадонны, прокручивая каждый клип по пятнадцать раз. Периодически она вставала и танцевала перед экраном на свой лад. Когда я видел, как она двигается, мной всякий раз овладевало беспокойство. С одной стороны, я испытывал облегчение: она танцевала хорошо и не выставляла себя на посмешище, с другой стороны, именно это меня и угнетало — что она танцует слишком хорошо. Я желал всей душой, чтобы это у нее поскорей прошло, до того как она повзрослеет. Воспоминание о девчонках на улице преследовало меня.

Мамаша семьсот пятьдесят раз на семьсот пятьдесят ладов сказала ей, чтобы она шла спать, после чего Нанси встала и перед уходом поцеловала меня, навалившись всем корпусом. Я не очень понимал, как ее обнимать, у нее были габариты взрослой женщины и места, которых

не следовало касаться. Мне показалось, она, может, даже и нарочно, чтоб меня смутить, пихала мне в руки свое пышное тело. Я вообразил себя отцом юной извращенки. Представил себе, как однажды, придя из школы, она заявит, что я ее изнасиловал, тогда как я ни о чем подобном и не помышлял. И вот сижу я в тюрьме, без вины виноватый, презираемый сокамерниками, и жизнь моя разбита. Зато в тюрьме я точно начну писать, утешил я себя.

Родители остались наедине. Я ожидал, что мы будем говорить о серьезных вещах, что Алиса расскажет мне о девочке поподробней, объяснит, чего ждет от меня. Или, может, бросится мне на шею, истерзанная тринадцатью годами желания. Но напрасно я рассчитывал на конструктивную беседу, она пригласила меня только потому, что так представляла себе протокол о приличиях в начале третьего тысячелетия: она находит отца своей дочери, зовет его перекусить. Конкретного сказала только одно: она не против, чтобы я заменял няньку по средам во второй половине дня.

На протяжении всего вечера Алиса не спускала глаз с мобильника, нервно теребила сигарету, крутила ее туда-сюда в пепельнице.

— Она хорошо учится? У нее много подруг?

Занимается спортом?

Мамаша слушала мою болтовню с тоской во взгляде, но безо всякой растерянности; подперев подбородок рукой и вздернув выщипанные брови, она ждала, что я и сам пойму неуместность своих вопросов.

Она словно бы и не сомневалась, что мое увлечение девочкой скоро пройдет, что та не заслуживает длительного внимания.

— Она спрашивала про меня? Что ты отвечала?

На моем лице, должно быть, читалось волнение, я понял это по откровенно насмешливому выражению в глазах Алисы. Непробиваемая баба: все, что выпирало, выходило за рамки, не укладывалось в определенные понятия, подлежало осмеянию. Она замуровала себя в скорлупку и, в силу воспитания, принимала свое убожество за сословный лоск. В ее семье еще не так давно поднимались на эшафот с заранее заготовленной остротой на устах.

— Во сколько лет она заговорила? А газеты она читает?

О чем бы я ни спрашивал, Алиса сама себе противоречила, путалась, неловко уходила от ответа, если и отвечала, то кратко и уклончиво, а потом

переключалась на себя. Я получал три слова о дочери и нескончаемую повесть о матери.

— Чем она интересуется?

— С этого года — мальчиками. Ей надо спуститься на землю, перестать витать в облаках и строить иллюзии.

— Мне как мужчине не слишком-то приятно представлять себе дочь с парнями ее возраста. Но, разумеется, она имеет полное право ими интересоваться…

— Ага! Только они ею не интересуются, в этом вся беда!

— Откуда ты знаешь?

— Ты ее видел?

У нее это вырвалось непроизвольно, но она нисколько не смутилась. Пошла заварила себе еще тимьяну в японском чайничке, стоившем уж никак не меньше минимального пособия.

Тут зазвонил ее мобильник, она примчалась из кухни бегом, схватила его, изменила голос и даже облик, превратившись вдруг в совсем юную девочку, какую я когда-то знал. Чистая фантастика, провал во времени. Прежняя Алиса, ласковая, игривая, глуповатая и порочная, материализовалась у меня на глазах; даже повесив трубку, она еще осталась девчонкой.

— Это мой друг. Он сейчас приедет. Ужин, на котором он был, затянулся.

Как это часто случается с женщинами, она принялась оправдываться, хотя я ни о чем ее не спрашивал:

— Он очень много работает, иногда у него не хватает на меня времени. Понимаешь, он очень независимый человек.

Я взял сигареты и зажигалку и собрался уходить. Она меня удержала:

— Нет-нет, подожди, он непременно хочет с тобой познакомиться.

Мы уставились в телевизор; Алиса каждые пять минут смотрела на мобильник — на случай, если он звонил, а мы не обратили внимания…

Через час примерно я ушел, так и не дождавшись ее дружка. В дверях Алиса бормотала:

— Не знаю, где он застрял…

«Групповуха у него затянулась, а не ужин», — чуть не брякнул я, но осекся: слишком походило на правду, чтоб быть смешным. А, ладно, мне ее все равно не рассмешить.

Двери лифта захлопнулись. Насчет Алисы я правильно подметил с самого начала: в определенном смысле возраст ее не испортил. Что касается, например, желания затеряться у нее

между ног, тут, пожалуй, рейтинг ее даже повысился. В ней появилось что-то трагическое, надломленное, делавшее ее хрупкой и желанной. Внизу мне повстречался невысокого роста мужчина, подъехавший на джипе. Я догадался, что это он. Костюмчик безупречный, сам из себя ничего, если кому нравится, чтоб с гнильцой. Он тоже понял, кто я, и мы друг другу слегка улыбнулись. Ничего физиономия, приветливая. Но уж больно тачка здорова, и ботиночки бешеных бабок стоят — от этого меня опять повело.

* * *

Я прошел пешком до станции «Абесс», хотелось домой, к Катрин, было больно, что она не звонит. Я жалел, что уехал от нее, лучше б я приковал себя к оконной решетке. Пришлось бы тогда вызывать спасателей, чтобы они меня освободили и потом забрали, а я бы отбивался и орал не своим голосом. Ей бы это надолго запомнилось. А так получилось слишком просто для нее и слишком несправедливо по отношению ко мне.

Вставляя ключ в замок, я думал: хорошо бы Сандра уже легла — хотелось побыть одному. Ничего подобного, она болтала по мобильнику и при моем появлении шмыгнула к себе в комнату.

Я успел заметить, что она недовольна и пытается закруглить беседу, говоря в нос: «Я правда совершенно больна, созвонимся в другой раз». Но собеседник не отставал, и она провисела на телефоне еще по меньшей мере четверть часа.

Я скрутил большой косяк без всякой, впрочем, уверенности, что он мне поможет.

Вошла Сандра: лицо напряженное, на виске бьется жилка. Я ее такой никогда не видел. Она улыбнулась через силу, села со мной рядом и стала как полоумная переключать программы. Мне хотелось наорать на нее, напомнить, что меня, между прочим, бросила женщина и что я вернулся с малоприятного свидания, а потому не обязательно срывать на мне свое дурное настроение. Она сглатывала слюну так, будто вот-вот подавится, я протянул ей свой джойнт, придал голосу жизнерадостности:

— Кто-то портит тебе кровь?

Из глаз у нее неожиданно хлынули слезы, слезы холодной ярости.

— Это был один тип с телевидения. Понимаешь, я работаю над серией передач, мне очень хочется их сделать, и платят хорошо… Мечта, короче. А этот гад там главный.

— Ну?

— Он разговаривает со мной как со шлюхой. Я не знаю даже, что ему отвечать, чувствую себя запутавшейся девчонкой. Я ненавижу себя за то, что хочу сделать эту работу, за то, что не послала его подальше, за то, что он ко мне клеится, что позволяет себе звонить мне в такое время и говорить, какие у меня красивые глаза и как в коротенькой рубашке я могу простудиться, я ненавижу себя, черт возьми, потому что я такое дерьмо…

— Ничего страшного не случилось, Сандра, ну подумаешь, не нашлась что ответить…

Но ее уже развезло. Я ее такой не знал. Я тогда впервые понял девиц, которые страдают от собственной доброты. Раньше я над этим смеялся, но теперь, поглядев на нее, просек, что тут и вправду мрак. Невозможно было ее утешить, отвлечь, объяснить, что ничего особенного не произошло. Она ревела не переставая, а разрядка не наступала. Она расковыривала рану и норовила, чтобы до кости.

— Ага, а если я ему отвечу, он сочтет меня дурой недотраханной, типа, юмора не понимаю… как будто я должна визжать от счастья, когда трехсоткилограммовая туша со свинячьим рылом называет меня «моя милая». Разве мужики

готовы подставлять ему свою задницу? И если он скажет: «Ах, какая у тебя попочка!», они что, улыбаться будут? А когда он наконец въедет, что я под него не лягу, тогда как? Я же все наперед знаю: начнет рассказывать направо и налево, что я работаю непрофессионально, что мне того-то не хватает и то-то я не понимаю, в итоге меня выпрут, и я вынуждена буду помалкивать, потому что таковы правила игры, я должна все это кушать из-за того, что у меня есть сиськи… А я хочу сделать эту гребаную работу, потому что мне надо платить за то, се, пятое, десятое и мне все надоело…

Она зачем-то резко встала, стукнулась со всего маху ногой о стол, взвыла и плюхнулась обратно на диван вне себя от ярости:

— Я чувствую себя, блин, по уши в дерьме, я чувствую себя загнанной в угол… Кругом одна мерзость, я сама себе противна.

Ей было так плохо, реально, что я ощутил прилив симпатии к ней, она сделалась мне вроде как ближе, человечней, что ли. Оттого, что жизнь и ей тоже давалась нелегко, сбивала ее с толку и травила душу. Я начал догадываться, что Сандра, строившая из себя преуспевающую даму, внутри чувствовала себя не больно-то уверенно. А если

так, то мы и в самом деле могли стать друзьями на равных, мне не нужно было искать, как принизить ее до моего уровня, как сорвать с нее маску, найти больное место и воткнуть туда нож. Я потер ей спину, как маленькой девочке, которая ушиблась:

— Сказала бы ему, что у тебя дружок — боксер, причем очень ревнивый.

— А почему я должна врать?

— Потому что ты работаешь в куче дерьма, Сандра. Дело не в том, хочет он тебя трахнуть или нет. Не он, так кто-нибудь еще унизил бы тебя каким-нибудь другим способом, не сомневайся. Ты работаешь в клоаке — естественно, ты облеплена дерьмом. А как иначе? Все мы по жизни вынуждены тащить на себе чужое дерьмо. Чего ради ты себе душу растравляешь, прокручиваешь это все по второму разу? Повесила трубку — и забей…

— Извини, конечно, но от тебя это особенно интересно слышать…

Она пощипывала себе мочку уха и чуть-чуть улыбалась, и, хотя она продолжала корчить кислую мину, я видел, что настроение у нее переменилось.

— Ну а у тебя что?

— Алиска идиотка. Соблазнительна, но иди-

отка.

— Одно другому не мешает.

— Наоборот даже. Я теперь по средам буду пасти малышку.

— Мамаша с девочкой ласкова?

— М-м… Знаешь, она из серии «я мать, но это не мешает мне быть женщиной». Дочь ей совершенно очевидно мешает. Конечно же, ее оправдывает то, что она очень молода.

— Матери бывают стервозны с дочерьми. Очень даже часто.

— Это ты в журналах вычитала?

— Они хотят мальчишек. Девочки им не так интересны. Ты не замечал? Женщины гордятся, что произвели на свет сына, как будто у них самих от этого маленький член вырастает. Сын — это их пропуск в мир действия, в запретную для них область… А дочка вроде как ничего тебе не добавляет, кроме того, что начинаешь чувствовать себя старухой, когда та подрастает и становится привлекательней тебя.

— Это все общие слова.

Между тем я прекрасно понимал, о чем она говорит. Знал, как матери восхищаются сыночками, когда те метелят друг друга, в мамашах от этого гордость пробуждается: «парень что надо!»,

сами науськивают отпрысков на грубость, счастливы, что такое породили, расправляют плечи, говоря об их половых гормонах, радуются, что дитятко их не слушается, — типа, это доказывает, что они настоящего мужика произвели. Каким тоном они произносят «мой сын», лопаясь от самодовольства! «Мы с сыном» — вот совершенный союз. Сыновья никогда не выступают против них, не бросают их, не пеняют, что матери стареют. Я во множестве семей наблюдал такую задвинутую любовь матери к сыну и тем яснее видел, что моей матери было начхать, девочка я, мальчик или щенок, все один черт: я мешал ей жить, и баста. Мальчишкой я любил подраться, но никто не замечал, что я с особым удовольствием лупил тех, кого мамочки прибегали забирать из школы, к кому мы ходили полдничать, у кого мамаши, кажется, только тем и занимались, что в ожидании драгоценного чада пекли ему пироги и зашивали курточки. Маменькиных сыночков я узнавал и во взрослых мужиках, чуял их и дожидался своего часа, чтобы накостылять им как следует, по стенке размазать. Они имели нечто, чего я был лишен, и от этого у меня развивался комплекс неполноценности. Мне хотелось, чтобы они исчезли. Но со временем список тех, кому

надлежало исчезнуть, дабы я почувствовал себя лучше, разросся до такой степени, что осталось мне только смурнеть в одиночку.

* * *

Явившись к ним в среду утром, я держался настороже. Понимал, что надо сохранять дистанцию, потому что моя роль папочки из шляпы фокусника могла накрыться в любую минуту.

Я прибыл туда в девять ноль-ноль, чтобы забрать Нанси на весь день. Алиску явно разочаровало, что я пришел вовремя, бодренький и в хорошем настроении. У нее в голове сложился иной образ: бродяга, безмазовый, ненадежный, трудновоспитуемый. Она основывалась на старых воспоминаниях и на расхожих представлениях о «злых мальчиках». Ах ты кукла буржуйская: разочарована, видите ли, что я оказался недостаточно опустившимся. У самой зубы в порядке, волосы блестят, кожа ухоженная, но для понта недурно еще прихвастнуть, что, мол, водишься с одним панком. Перед нашей встречей она, должно быть, долго обсасывала прошлые дела. Я тогда любил пиво, драки, сорокапятки «Л'Инфантри Соваж» и постоянно вляпывался в какие-нибудь истории. А теперь я ее, понимаете

ли, разочаровал. Она хотела иметь своего Абеля Феррару[11] по выходным, большого уличного дикаря — подружкам на зависть.

В роли просто нормального парня я выпадал из придуманного ею сценария. Одновременно я, типа, показывал ей, как она была неправа, что ничего не сказала мне раньше. Ради этого, собственно, я и явился минута в минуту.

Перед уходом она засыпала меня советами, запретами, наставлениями, требованиями… в которых звучало не столько беспокойство, сколько отношение ко мне как к несовершеннолетнему и желание напомнить, что мне как лицу безответственному следует вести себя осмотрительней.

Затем я остался с Нанси. Для начала я несколько раз глубоко вздохнул. Я, понятно, немного трусил, не знал, что с ней делать, но оно получилось само собой: надо было просто все время говорить «нет». «Можно я сама себе волосы подстригу?», «Давай я тебе сделаю прическу?», «Я не хочу никуда идти, давай смотреть клипы по телику?» «Давай ты купишь мне диск Эминема, а маме мы ничего не скажем?» «А можно я войду в Интер-

---

[11] Примечания: 11

Абель Феррара (р. 1951) — американский кинорежиссер, многие фильмы которого отражают жизнь наркоманов и представителей американского «дна».

нет?» «А можно я сразу оденусь, а умываться не буду?» «А что, если я пойду в майке?», «Говорят, Джой Старр живет у заставы Клиньянкур, поедем найдем его дом?»

* * *

Заметив, что я сочувствую ей в минуты хандры, Сандра подло этим воспользовалась и потребовала, чтобы я сопровождал ее на вечеринку. Давила на меня жестко. Я на таких тусовках не был уже сто лет, забил на них еще до всякой стремопатии. Она пустила в ход все средства, чтобы меня вытащить.

— Увидишь, там будет полно знакомых.

Это-то меня и беспокоило. И на этот раз реальность оказалась пострашней моих худших опасений.

Шум мы услышали еще со двора, квартирка маленькая, набита битком. Вид у всех кретинский. И что самое скверное — все моего возраста.

У меня от этого кишки сводило: морды убитые, опухшие. Поведение неадекватное — слишком много лет беспрерывно торчат; эти люди не въезжали, что вышли уже из того благодатного возраста, когда кайф делает тебя блистательно

интересным. Их изнуренные лица выглядели трагично. Печальная картинка, но все они были слишком обдолбанными, чтобы это понимать. Шуточки с бородой, выдохшиеся, как и остряки, их произносящие. Фальшивые слова, заученные жесты, повторяемые по инерции. Жесты времен тусовки и бурной молодости. Но молодость прошла, и меня от них тошнило.

Девки с подреставрированными сиськами, только подчеркивающими их возраст. Меня вообще бесило повальное распространение неохватных грудей. Это убивало всякое очарование.

Мозаика разговоров, группка тут, группка там. Кретины с бокалами в руках брызгали слюной, путая свое умственное истощение с разочарованностью бывалого денди.

Не нравились они мне. Я постоял в одной комнате, в другой, послушал их, посмотрел. Нет, не нравились. Меня начинало от них вести.

Возле музыкального центра собралась кучка помоложе, попродвинутей, одеты все как при Помпиду: облегающий джемпер и брюки в обтяжку.

Я не выпил ни грамма — боялся размякнуть, не хотелось общаться с этими людьми, не хотелось,

упившись в нуль, разговориться с ними, забыв, что я о них думаю.

Перед сортиром оказалась очередь, это меня тоже разозлило, потому что я рассчитывал уединиться там, прийти в себя.

Потом меня отыскала Сандра:

— Взбодримся?

Я пошел за ней в дальнюю комнату. Из заднего кармана камуфляжных штанов она достала транспортную карточку в обложке, где было упаковано все необходимое. Крохотный свернутый пакетик, засунутый под билет, кусочек соломки из Макдоналдса, которую она примяла большим и указательным пальцами, сплющив с одного конца.

Движения ее были неторопливы: церемониал здесь не менее важен, чем все остальное.

Я словно перенесся на годы назад, мы тогда с ней часто пыхали вместе. Помнится, я бывал счастлив в эти минуты, как будто бы это не я, а персонаж какого-то фильма. Мрак развеивался, я жаждал разговоров и душевного общения. Из кайфа рождался другой я, более удачливый.

Присев на корточки возле ночного столика, Сандра насыпала две дорожки, потом поднялась и галантно пропустила меня вперед.

Я опустился на колени, наклонился, вставил трубочку в ноздрю и вдохнул.

Знакомое едкое и приятное ощущение на нёбе. Я встал и засмеялся:

— Сколько сразу всего вспоминается!

Сандра кивнула в знак того, что хорошо меня понимает, втянула свою порцию, распрямилась:

— Мы хорошо жили в юности. И этого у нас никто не отнимет.

— В какой момент все обломалось? Что мы сделали не так?

— Не мы сделали, Брюно, нет… Я давно хотела тебе сказать: не нужно корить себя и думать, что ты в чем-то лажанулся. Дело не в нас, Брюно, в этом мире никто не счастлив. Никто. Сам посуди. Разве что очень маленькие дети.

— Так было всегда.

Она потерла себе нос перед зеркалом, смачно втянула воздух, чтобы все пошло куда надо. Потом призадумалась, снова развернула крошечный бумажный пакетик и насыпала немного порошка на столик.

— Вторая всегда лучше идет.

Внезапно я почувствовал себя жутко в нее влюбленным. Мне захотелось обнять ее, приласкать, обладать ею. При этом реально, физически

я бы не перенес даже прикосновения.

Короче, я не двинулся с места.

Когда мы вышли из комнаты, мне было как-то не по кайфу, я ощущал странную подавленность. Я не достиг того, к чему стремился, не знаю, чего именно. В общем, привычная неудовлетворенность. Зато теперь я уже не скучал, и время полетело с дикой скоростью.

Сначала я направил свое внимание на блондиночку, которую заприметил на кухне. Она стояла, прислонившись к холодильнику, и сочиняла целый роман из эсэмэсок. Дешевая маникюрша, светло-каштановые волосы забраны в пучок, губы по контуру обведены коричневым карандашом. На подбородке и на лбу полно прыщей, кое-как замазанных тоном. Розовый джемпер, оканчивающийся выше пупка, расклешенные брюки, здоровенные бутсы на толстой подметке. В целом вид какой-то замызганный, но трогательный. Влекущий. Чем-то она меня привлекала: свежестью, добропорядочностью, что ли. Может, грустью. Хотелось быть с ней, приголубить, защитить. Вместе с тем толика вульгарности обещала, что в постели она будет хороша. Архетип девушки доступной, но достаточно закомплексованной, чтобы это демонстрировать. Я подошел к ней,

преисполненный доверия, и сказал в простоте:

— Ты мне нравишься. Думаю, ни один парень не видел тебя такой, какой вижу я. Мне хочется в тебя влюбиться.

Должно быть, мне не хватило убедительности, или темперамента, или еще чего-нибудь. Она взглянула на меня растерянно и потрясенно. И поспешно вышла из кухни.

Тогда я прибился к какой-то рыжей телке, фантастически тупой, но бесподобной внешне. Я ее хорошенько разглядел, пока с ней говорил: у нее все было натуральное. Она такой отпадной родилась. Глупа в высшей степени, так, что это даже становилось поэтическим и волнующим. Одна мысль, что она брошена в этот мир со своими куриными мозгами и обалденными сиськами, делала ее возбуждающей. Опасности подстерегали ее со всех сторон, ей необходим был мужчина рядом. Она ловила каждое мое слово, от души смеялась любой отстойной шутке, я было даже подумал, что она принимает меня за кого-то другого. Уже убедил себя, что ничего тут не выгорит, буду охмурять ее до утра, а потом она меня отошьет, окажется, что у нее нет квартиры, а у меня — денег на гостиницу, или еще какая дурацкая отговорка. В общем, я уже намеревался на нее

плюнуть, но она за меня уцепилась и попросила ее проводить.

Я ушел с ней под руку, вполне довольный собой. Перед уходом нашел Сандру, предупредил; она оживленно беседовала с каким-то долговязым татуированным придурком. Слушая его, она крутила дурь в ладошке и элегантно втягивала. Я ощутил своего рода гордость от того, что знаком с ней. К тому же мне приятно было показать татуированному кретину, с какой телкой я ухожу, полагая, что его это заденет.

Она жила в комнате для горничной, звали ее Стефани. Удивительная девушка. Проще и скромнее, чем можно было ожидать при ее внешности. Мы с ней курили огромные косяки, слушая Бьорк, Бека Хэнсона и «Дафт Панк». Я уже настолько забалдел, что даже и эта музыка катила. Ночь пролетела как во сне. Только я не кончил. Впрочем, ничего удивительного: вот уже несколько дней, когда я рукоблудствовал, мне удавалось кончить лишь с большим трудом, доведя себя до боли. Стефани отнесла это на свой счет и была очень трогательна. Ее старания не увенчались успехом, но все-таки приятно.

На другое утро у меня болело в носу. Когда я проснулся рядом с ней, меня накрыло чудовищно.

Она была мила, весела, как девочка, соблазнительна и в постели не притвора. Короче, всем хороша. Кроме одного — не Катрин. И потому, когда это восхитительное создание прижималось ко мне, я лишь с большей остротой вспоминал, что потерял женщину, с которой хотел быть вместе.

* * *

Мы стали видеться с Нанси каждую среду. Шатались по городу: ничего лучшего я не придумал, но ей, похоже, нравилось. Всякий раз, когда я предлагал ей сходить в кино, она отвечала: «Я это уже смотрела». По большей части врала. Она вообще кучу всякой бредятины сочиняла. Поминутно играла какую-то роль. К реальности это имело смутное отношение. Предпочитала небылицы. Меня, в отличие от ее матери, это не раздражало и не беспокоило. У нее вообще-то здорово получалось, она выдумывала множество разных персонажей, изображала их, описывала. Все это лишь свидетельствовало о ее богатом воображении, и я говорил себе, что оно ей в дальнейшей жизни пригодится.

Мы всякий раз обследовали какой-нибудь новый квартал. Я помнил их с того времени, когда

мальчишкой шлялся по улицам без гроша в кармане. Торчалово научило меня городской жизни. Оказалось, я знаю уйму уголков, внутренних дворов, диковинных скульптур, закоулков, садиков. Иногда мы шли, задрав носы, и выискивали, где квартиры пошикарней.

Еще мы посмеивались над прохожими, Нанси рассказывала мне эпизоды из «Баффи» и про то, как изгонять вампиров. Я показывал ей, что Нотр-Дам похож на гигантский космический корабль, который вот-вот взлетит, она кивала, чтобы меня не огорчать.

Она любила, заслышав знакомую мелодию, влететь в магазин и начать танцевать между рядов. Она и меня пыталась втянуть, раздувала щеки, выделывала потешные па. Я уже привык, что она вертит задом, как сучонка; вообще-то выглядело прикольно.

— Как ты думаешь, мы будем когда-нибудь потом жить вместе?

— Я думаю, потом у тебя будут занятия поинтересней, чем жить со старым отцом.

Она меня боготворила, и это было приятно. Она непременно желала идти со мной под руку, что меня несколько выводило из равновесия. Я боялся, что прохожие станут на нас коситься,

заподозрят во мне отвязного педофила. Но ничего такого не случалось.

Я был ее героем и очень старался не ударить в грязь лицом. Но ее любовь была настолько цельной, безоговорочной, прочной, всеобъемлющей, что мне нечего было особенно опасаться. Ее привязанность не требовала доказательств, не зависела от того, что я сделаю или скажу.

— Так что, ты книгу закончил?

— Почти. Скоро дам тебе почитать.

Я действительно хотел написать эту книгу, не начинал, правда, еще, но был тверд в своих намерениях как никогда.

Мне хотелось написать ее для Нанси. С другими не получилось. Мать говорила, что ей это скучно. Подруги — что я их утомляю. Зато тут я собирался взять реванш.

В одну из сред шел дождь, и мы поехали на метро до станции «Ле-Алль». Спускаясь в тоннель, она заметно нервничала, хотя старалась не подавать виду:

— Я вообще-то уже ездила на метро, и не раз.

Она очень трогательно храбрилась. Я взгрустнул, что в столь юном возрасте ее уже мучают страхи, и это избавило меня от моих собственных. Постепенно я начинал понимать, что ее отделяет

от реального мира целая пропасть. Ее приучили бояться самых обычных вещей, опасаться всего, что может случиться мыслимого и немыслимого, ее представления замыкались каким-то обрубком жизни. Взяв ее за руку, я совершенно безбоязненно спустился в метро.

С ней я становился другим человеком, она придавала смысл моим поступкам, моему возрасту. Я чувствовал, что выполняю определенную миссию, что-то делаю наконец и в кои-то веки у меня это получается. Я знал, как ее ободрить, умел ее рассмешить, да и кое-что объяснить. Мы гуляли, развлекались, оттягивались. Впервые в жизни я ощущал, что поступаю хорошо, без жульничества и обмана. Что имею право на эту роль и что она мне нравится.

Если панк-рок был катастрофически непригоден для подготовки к реальной жизни, поскольку не учил ни послушанию, ни состязательности, ни покорности, ни подавлению собственных чувств, то он оказался подходящей школой общения с юной девицей. Во всяком случае, я не пытался подрезать ей крылья, чтобы потом втиснуть ее в соответствующую ячейку общества. Я не хотел ее ломать, не заставлял молчать, но умел заткнуть, если это реально требовалось. В целом я справ-

лялся неплохо.

Меня, конечно, пугал ее возраст, я боялся, что она вдруг отвяжется. Как будто она сидит в поезде, поезд должен вот-вот тронуться, а я в окно наспех пичкаю ее советами, которые могли бы пригодиться в дороге. Я желал ей проскочить между струями дождя, овладеть золотым ключиком, найти потаенные сокровища, желал ей сориентироваться в этой жизни лучше, чем я и ее мать.

В каком мире будут жить сегодняшние дети, когда повзрослеют?

— Пойдем в японский ресторан?

— Нет, там слишком дорого. Найдем пиццерию.

Подобные ограничения ее поражали, казались экзотическими и привлекательными.

Среды с Нанси стоили мне уйму денег. Каждый вторник Сандра собирала пачку CD, и я шел их продавать.

Я был шокирован ценами на всякую фигню для детей: шмотки, игры, книги, DVD, плееры, кроссовки, сумки, любая мелочь стоили целое состояние. Почему не делают витрин с тонированными стеклами и не пишут крупно над

входом: «Только для богатых»? По крайней мере дети не презирали бы нас за то, что мы не имеем средств приобрести фишки, которые сует им под нос реклама на улице и по телевизору. А так приходится объяснять, что не можешь купить самую, казалось бы, элементарную вещь.

Нанси рвалась в магазины «Колетт», «Анжелина» и даже в бутики «Прада». Я дергал ее за рукав:

— Ты что, спятила? Я в такие места ни ногой, там от жлобья не продохнуть.

Она косилась на меня озадаченно и с интересом. Мои слова западали ей в голову, и в следующую среду она брякала на всю кондитерскую, указывая на довольно суровую с виду даму:

— Видал, папа, как это старое жлобье пытается пролезть впереди нас?

Любая мелочь осмысливалась ею и где-то там оседала, она поглощала информацию с удвоенной скоростью и, переработав ее на свой лад, тут же пускала в обращение. Подобно тому как маленькие дети быстро осваивают новые слова и запоминают их раз и навсегда, подростки вроде Нанси жадно впитывают новые идеи, и эти идеи налагают на них неизгладимый отпечаток.

В этом возрасте все видится в увеличенном мас-

штабе, фильмы кажутся потрясающими, диски — апокалиптическими, книги меняют жизнь.

Я нашел безотказный способ заставить ее читать, что я хочу:

— Только не говори маме, что я купил тебе эту книгу. Обещаешь?

Время от времени у меня в телефоне раздавался раздраженный голос Алисы:

— Нанси сказала, что ты позволишь ей проколоть брови. Брюно, ты НЕ ВПРАВЕ решать такие вопросы.

Она артикулировала чуть ли не по слогам, а я смеялся в душе, что она попалась на удочку:

— Алиса, только не делай вид, что ты этому поверила.

Раздосадованная своей ошибкой, она продолжала с ходу:

— Она должна перестать врать.

— Она пользуется ситуацией, это нормально в ее возрасте.

— Откуда тебе знать, что нормально?

Алиса злилась, что я, едва появившись, легко поладил с Нанси. Уже через две недели девочка стала получать приличные отметки; таким способом она показывала миру, что ей хорошо.

Еще Алису бесило, что я не работаю. Что я свободен по средам, разгуливаю руки в карманах и без мобильника. Что у меня есть время смотреть кино, читать книги, фланировать. Она не представляла, насколько это для меня мучительно, унизительно, несносно. Ей казалось все так клево: никакой ответственности, свобода, вечное безделье, защищенность от неприятностей взрослой жизни.

Со своей стороны, я очень скоро перестал воображать, что она чего-то там достигла. Она усаживала свою тощую задницу в тридцатитысячные кресла, отоваривалась в «Фошоне», а не в «Ашане», лопала устрицы, как я сандвичи. Но чувствовала она себя все равно голимо, это было ясно как день.

В сущности, жизнь у нее была хуже, чем у кассирши. Дерьмовая жизнь, адское расписание, всегда у телефона, всегда поблекшее под слоем косметики лицо, вечно без сил от усталости, вечно на нервах, душевная пустота вокруг.

В прежние времена люди из состоятельных семей, вроде нее, вели красивую жизнь и ничем другим не занимались. Женщины не жертвовали своим очарованием и не горбатили, как прислуга. Алиса получила воспитание, ни в коей мере не

сообразное с тем, с чем ей предстояло столкнуться в реальной действительности, она выросла в иллюзии, что мир все такой же, как прежде. Ее ни к чему не подготовили.

Класс, к которому она принадлежала, оправдывал свое существование — оправдание сомнительное, отвратительное, жестокое, но все-таки оправдание — наслаждением. Демонстрацией хорошего вкуса, утонченности, умения жить… Эта махонькая привилегированная прослойка была фицджеральдовской «точкой схождения» изнуряющего труда людей всей планеты. Весь мир вкалывал ради того, чтобы несколько человек проводили время красиво, со вкусом, стильно. И, разумеется, не гнули спину.

А теперь даже эти люди, собственно они-то в первую очередь, ишачили, как рабы, тянули лямку без всяких гарантий, не имея времени ни на что. Эксплуатация стала жестче, но уже не служила ничьему счастью.

Вот за что Алиса на меня злилась. Она воображала, что я оказался хитрее. Алиса, делавшая все как положено — слушавшаяся родителей и католическую церковь, запрещавшую аборты, работавшая не жалея сил, верившая в материальные ценности, исполнявшая все, что требовалось

для того, чтобы иметь все, что нужно, — чувствовала себя обманутой. И вымещала обиду на мне, что, понятно, глупо.

Я же не показывал ей, что мне не сладко без дома, без кредитки, без каких-либо доходов, без перспектив. Делал вид, что мне все ха-тьфу, — из удовольствия ее побесить.

Среди пустопорожней болтовни Нанси регулярно раскладывала бомбочки, владела этим искусством в совершенстве:

— Но ты все-таки любил мою мать?

Я искренне отвечал «да», рассказывал, что Алиса была милой, трогательной, о других же ее качествах умалчивал. Говорил, что любил, но недолго, а потом все забылось.

— Вы расстались из-за переезда?

— Ну да, ты была еще червячком, присосавшимся к материнскому чреву.

— Получается, как Ромео и Джульетта.

— Приблизительно, только мы не умерли.

* * *

Просыпаясь по утрам, я каждый день принимал целую серию радикальных решений. Если честно, в глубине души я все еще надеялся поразить Катрин, когда она позвонит и захочет со мной

увидеться. Весело насвистывая, провести по модным ресторанам, дать ей читать мою книгу, написанную с радостью и вдохновением, познакомить ее с дочерью, с которой у нас установятся близкие дружеские отношения, предложить, как бы между прочим, пойти в субботу после обеда за покупками с моей кредитной картой… И тогда она пожалела бы, что бросила такого мужика.

Пока я потягивался на разложенном диване, мне казалось, что выкарабкаться наверх проще простого: надо только найти издателя, который даст мне переводы, параллельно поискать других заработков, заняться спортом, выбрать приличный бассейн, где можно плавать ни на что не натыкаясь, стрельнуть у кого-нибудь денег, чтобы в следующую среду сводить Нанси в кино. В самое ближайшее время обзавестись маленькой квартиркой и, само собой, начать книгу… Я радовался, что так хорошо все спланировал. И главное, верил в реальность своих планов.

Но, встав с постели, я готов был рыдать как мальчишка, поскольку совершенно не понимал, с чего конкретно начать.

Тогда я забивал косяк. Потом начинал метаться по дому, что-то искать, меня обуревали какие-то неясные мысли, от которых через пять минут

не оставалось и следа. Сандра дала мне телефон знакомого издателя. У меня ушло трое суток на то, чтобы ему позвонить. Утром в день встречи мне свело шею. Но Сандра упорно долбила мне, что идти все равно необходимо, и в итоге я сдался, замышляя про себя, что пересижу это время в баре, никуда не пойду и не позвоню. Потом, правда, сам осознал дикость такого поведения.

И потащился на встречу, проклиная Сандру: «Я не мутант, не приспособленец, у меня, прошу прощения, есть чувства, а также остались еще некоторые левые идеи». Я прождал этого парня полчаса в стреме, что он вообще не явится и придется мне платить за чай самому. Я вовсе не жаждал знать, сколько стоит горячая вода в заведении такого рода.

Позади меня какой-то мэн излагал жалостливым тоном:

— Он, я знаю, начинает смекать, что я вступаю в когорту Великих. Я на верном пути. Мне все об этом говорят.

Ему отвечала дама с хриплым голосом, его, типа, ободряла, выказывала участие чуть ли не материнское, но высокомерия ей это не убавляло:

— Ты писатель. Настоящий.

— Это все начинают понимать… Я живу, так сказать, по-спартански, но, знаешь, я уже на пределе… Ты должна прочитать мою книгу.

— В выходные.

— Увидишь, читается запросто. С легкой душой.

При последних словах я обернулся и глянул на психа, их произнесшего. Возраст определить невозможно, одет простачком, детская улыбка, пухлые щеки, светлые глаза — возненавидеть такого трудно, он не вызывал ничего, кроме легкого презрения.

Потом пришли американцы. Чувак, писавший книги с легкой душой, оказался журналистом, он держал микрофон, пока шизанутая напарница задавала вопросы. Ну точно как в дурной комедии:

— Кстати о «Данон»… Профсоюзы, а также компартия объяснили сотрудникам, что те лишились мест из-за биржевых спекуляций. В подтексте — пенсионные фонды.

Какой-то парень быстро-быстро шепотом это перевел, а интервьюируемый ответил решительно, но беззлобно:

— This is a lie[12].

---

[12] Примечания: 12

Это ложь *(англ.)*.

Дамочка выслушала его с одобрением, шея у нее была дрябловатая, очки сидели на самом кончике носа, время от времени она заинтересованно гмыкала.

Американца прорвало:

— Выступать против глобализации глупо. Это все равно что говорить: «Я против того, чтобы наступало утро» или «Я против солнца».

Все засмеялись, испуганные и немного удивленные: оказывается, где-то еще существуют люди настолько наивные, что борются с очевидностью… Испуганные и восхищенные, что сами они такие добропорядочные, всепонимающие и покорные.

Если смотреть на мир из квартала, в котором мы находились, а в особенности из этого бара, какой и в самом деле смешной казалась ретроградская настороженность по отношению к совсем не такой уж скверной системе… Разве плохо мы тут сидим, разве не ограждены от неприятностей, не защищены надежно в нашем пятом округе!

Тип, с которым у меня была назначена встреча, возник передо мной совершенно неожиданно, извиняясь, что не смог принять меня в офисе: у них как раз ремонт…

Я сказал:

— Напротив, здесь очень мило.

При этом мне хотелось повеситься или, лучше, лопнуть прямо тут на месте, чтоб их наконец хоть чем-нибудь да забрызгало.

Не знаю уж, от простуды или от торчалова, только говорил этот парень очень тихо и очень быстро, вынуждая наклоняться к нему через стол и напрягать слух. Кроме того, я отродясь не слышал, чтобы люди изъяснялись таким слогом — я как будто включил радио на волне «Франс культюр». А «Франс культюр» я не слушаю. То, что он там нашептывал, мне приходилось переводить про себя на обычный французский. Сдавалось мне, что все это фуфло, но окончательно я еще не разобрался.

Самое неприятное в общении с такими вот клиентами из пятого округа — хорошо одетыми, с хорошей зарплатой, хорошего роду и воспитания, образованными, на хорошей работе и прочее — то, что они убивают всякую веру в человечество. Когда чушь несет какой-нибудь ступ за стойкой парижского тотализатора, я могу вообразить, что, если бы им слегка заняться, он стал бы мыслить более четко. А эти из пятого округа подписывали моим иллюзиям смертный приговор. Они име-

ли все возможности, но остались дубаками из дубаков.

Мы сидели в шикарном баре, где звуки приглушены, а незаметные официанты не оставляют вас своим вниманием и окурки в пепельнице не задерживаются более двух минут. Разительный контраст с Барбесом. Здесь каждая мелочь целенаправленно внушала вам: а вокруг — хоть потоп. Мы принадлежим той части мира, где все прочно стоит на своих местах. Той части мира, которая извлекает прибыль из хаоса.

В юности я и представить себе не мог, что буду когда-нибудь сидеть в подобном заведении, курить и помалкивать. Я верил железно, что пройду между струями дождя не замочившись, никогда ничего не попрошу и сотрудничать мне не понадобится. Но что-то дождь зарядил очень частый, и приходится лавировать, не то тебя вовсе смоет.

Мне особо выступать не пришлось, все время говорил он. Возможно, я был одним из немногих, перед кем он мог произнести спич. Держался он со мной мило. Но был туповат. Это сказывалось даже в одежде: когда тратишь столько денег на шмотки, отчего бы не выбрать что-нибудь классное, он же имел жалкий вид. Он виновато объяснял, что и в самом деле ищет переводчиков,

но условия рынка таковы, что издательство не может платить много, ему самому это неприятно, но поделать он ничего не может.

Может и еще как может, только вместе с коллегами он с таким усердием угождает начальству, что забывает думать. На все готов ради хозяйской похвалы… Приводным механизмом работы служит угроза увольнения, страх оказаться непригодным, выброшенным на улицу. Угроза изгнания — это такая неисчерпаемая жила: изгнание из шикарных кварталов, из центра города, из благополучной жизни, изгнание с территории, с предприятия, из квартиры, из банков, клиник, престижных школ, из гражданства, из молодости. Презрение к отторженным возникает не с бухты-барахты, оно инстинктивно поддерживается обществом и подсознательно нацелено на то, чтобы сделать оставшихся более послушными. Люди так боятся попасть в отщепенцы, что с отчаянным усердием предупреждают все желания хозяина. За ними уже не нужно следить, не нужно ими руководить, стимулировать их…

Домой я вернулся пешком в довольно-таки подавленном состоянии. Всякий раз, когда я начинал искать работу, на меня нападала тоска. И я сам до конца не понимал, то ли вправду

существовали причины для раздражения, то ли я реально лоботряс и меня колбасит при одной мысли, что придется вкалывать.

Я перешагивал через бомжей, натыкался на женщин, сидящих на тротуаре с протянутой рукой и что-то гундосящих себе под нос, а потом на женщин, стоящих на тротуаре в ожидании клиентов.

Всю дорогу меня преследовала реклама, за сорок пять минут я нахлебался ее больше, нежели по телевизору: на улице программы не попереключаешь. Роскошная волнующая реклама Диора: женщина в рамке выставила зад, ждет, чтобы ее взяли, изнасиловали, затрахали. Для пропаганды они используют собственных дочерей. Корректным считается именно это: всегда быть готовым к тому, чтобы тебя поимели.

Пройдясь по богатым кварталам, нетрудно убедиться: окружающее дерьмо уже никому не приносит пользы. Женщины закомплексованы, они стыдятся собственного тела, всегда недостаточно изящного, недостаточно молодого, недостаточно хорошо одетого. Угодливые газеты обеспокоены: дескать, эмансипация женщин сделала мужчин более изнеженными, менее мужественными. Ни намека, однако, на то, что

мужчин кастрирует работа к ничьей уже выгоде.

Старый мир давно дал течь, они знают, что им суждено исчезнуть, и, коли так, желают исполнить это с размахом фараонов: чтоб все подчиненные сгинули вместе с ними. Они переписали историю, но из памяти у них не изгладились давние счеты к трудовому классу, столько раз едва не выбивавшему почву у них из-под ног. Теперь, когда их старый порядок уже не держится на плаву, они стремятся прихватить с собой на дно все, что могут, и ничего не оставить после себя.

* * *

У Сандры повсюду были включены радиоприемники и все на разных частотах. В гостиной я слышал, как пацаны базарят насчет хип-хопа, на кухне звучал Лоран Вульзи[13], в ванной какие-то интеллектуалы умничали по поводу дерьмовой книжонки.

По вечерам Сандра промывала мне мозги. Она по складу чисто медсестра.

Мы с ней по-прежнему не спали. По иным ее прикидам я догадывался, что она не против. Но у меня как раз прошла охота. Может, оттого, что

---

[13] Примечания: 13
Лоран Вульзи (р. 1948 г.) — популярный французский шансонье.

она не скрывала своей. Или, может, я боялся, как бы она не обнаружила, что я не кончаю. То-то бы она заинтересовалась. Достала бы свои гадальные карты, маятники, «И-цзин»[14], книги по психологии, засыпала бы вопросами — словом, замучила бы.

Я ждал, что у меня все само пройдет. Мне казалось, что, пока я об этом не говорю, все еще может поправиться.

Кроме того, в глубине души я думал, что так даже и неплохо: Алискин фокус не повторится.

Сандра была истинной дочерью Евы: она всегда доискивалась причин, вытягивала секреты, хотела все разузнать. Полагала, что откровенным разговором можно излечить человека от страха, слабостей, неуверенности, надо только вникнуть. Я не слишком этому верил, но мне было приятно, что она регулярно копается в моей душе.

— Значит, твой отец ушел, когда тебе было двенадцать лет? Чертовски интересно! Понимаешь, получается, что теперь, с Нанси, ты можешь как бы прожить этот этап заново, что-то в себе разблокировать, снять отрицательные последствия.

Я не очень внимательно слушал, что она бол-

---

[14] Примечания: 14

«И-цзин» — «Книга перемен», лежащая в основе древнекитайского искусства предсказаний.

тала. Просто приятно, когда тобой интересуются. И потом, мы выкуривали столько дряни, что на другой день я все равно не помнил, о чем говорилось накануне.

— Почему ты не пишешь? Психологический барьер?

— Никакого барьера. Это нормально, многие авторы годами созревали.

— Но надо же что-то делать. Не пишется — займись чем-нибудь еще. Если честно, мне с тобой ништяк, я рада, что ты здесь… Но нельзя же прожить всю жизнь на содержании у девиц!

— Пока есть желающие…

— А когда не будет?

— Черт, что ты привязалась? Не видишь разве, что вгоняешь меня в трабл?

С Сандрой оживало что-то давно забытое. Она была в чистом виде продуктом панковской аристократии: из простой семьи, всегда без гроша, всегда в погоне за работой, квартиры в поганых кварталах, однако ее ломало обратиться к человеку, который ей не нравился. А таких, которые ей не нравились, было полно. Подчиняясь суровому протоколу, она лопалась от злости, когда приходилось приспосабливаться ради поганых бабок. Она была наделена здоровым пофигиз-

мом и достоинством старого пирата, прямоту считала делом чести. Слово держала, ходила с высоко поднятой головой, сохраняла верность в дружбе. Сбалансированное сочетание японской мужественности и викингской утонченности; во всяком деловом предложении она сразу видела его изнанку и непременно отпускала какую-нибудь остроту.

Мы часто спорили о том, когда именно все покатилось под откос: после падения Стены, после появления CD, смерти Курта Кобейна или после Второй мировой войны… Наши мнения об истоках великого бардака не совпадали.

* * *

Однажды Алиса попросила меня взять Нанси на неделю, на время пасхальных каникул. Я ответил «без проблем» и поспешил домой предупредить Сандру.

Та аж подпрыгнула от восторга, поскольку давным-давно мечтала повидать малышку. Я же разволновался. С Нанси я привык общаться один на один, я боялся что-нибудь нарушить в наших отношениях, боялся оказаться не на высоте.

Я обошел квартиру, посмотрел на нее новым взглядом — скептическим: фигурка Восставшего

из ада[15] на электрическом стуле, фотография Ричарда Керна[16] в рамке и еще какой-то связанной девицы, на полке книги Слокомба[17], Анни Спринкл[18], подборка видеокассет «каннибалов»[19], стопка японских комиксов, на стенке — сцена из «Человека со шрамом»[20], когда его убивают… Все, что еще вчера казалось мне нормальным, теперь выглядело подозрительным.

Сандра угадала мои мысли и принялась запихивать весь этот хлам в шкаф. Потом решила прибраться и, как это часто бывает с женщинами, дошла до полного безумия… Терла кафель над раковиной зубной щеткой, обмакнутой в жавелевую воду, чтобы шовчики побелели, ушными палочками чистила стиральную машину… Я наблюдал за ней с недоумением. Потом взялась

---

[15] Примечания: 15

«Восставший из ада» — фильм К. Баркера (США, 1987).

[16] Примечания: 16

Ричард Керн (р. 1954) — американский фотограф, режиссер документальных фильмов, звезда андеграунда.

[17] Примечания: 17

Ромен Слокомб (р. 1953) — французский писатель, автор детективов и научно-фантастических книг.

[18] Примечания: 18

Анни Спринкл (р. 1954) — бывшая порнозвезда.

[19] Примечания: 19

Имеется в виду кинотрилогия о каннибалах итальянского режиссера Руджеро Деодато.

[20] Примечания: 20
«Человек со шрамом» — фильм Бриана де Пальма (США, 1983).

за дверные ручки и выключатели — в жизни не подумал бы, что их тоже моют.

* * *

Нанси была в восторге, когда я утром явился забрать ее на неделю «к себе». На станции «Барбес» она собрала все рекламки, которые там раздают, — в отличие от прочих граждан, она нисколько не чуралась контактов с арабами. Потом вступила в беседу с каким-то долговязым психом. Я в панике оттащил ее за руку. Я чувствовал себя так, словно волочу за собой атомную мини-бомбу, готовую взорваться на любом перекрестке. Вообразить Нанси одну в городе было сущей пыткой. А долго ли можно будет водить ее за ручку?

Район ей жутко понравился. На ходу она бросала беспокойные взгляды некоторым пацанам, и я стискивал зубы, видя, что пацаны отвечают ей такими же взглядами, я прекрасно понимал, о чем они думают и что бы с удовольствием сделали.

Я принялся мечтать о мире, где живут одни эфебы, тихие ласковые юноши, интересующиеся только поэзией. Там бы мою девочку оставили в покое.

— Я хочу носить юбку, но у меня нет подходящей обуви. Купи мне сапоги, а?

— И не подумаю, ты и так хороша.

Она обошла квартиру, осталась довольна. Слишком быстро, на мой взгляд, нашла общий язык с Сандрой. Они уединились в комнате, как две кумушки. Потом Нанси вышла в туфлях на высоких каблуках, накрашенная, в очень короткой юбке и облегающем топе… Я сжал челюсти и едва сдержался, чтобы не влепить Сандре пощечину. Выражение моего лица ее насмешило.

— Что это с тобой?

А затем шепнула мне, пока Нанси вертелась перед зеркалом:

— Она напоминает тебе девочек, с которыми ты в свое время вел себя не так джентльменски, как тебе хотелось бы сегодня?

— Зачем ты это поощряешь?

— Ничего я не поощряю… она девочка, девочка. Понимаешь?

Чтобы окончательно отбить у меня аппетит, Нанси достала из сумки «Мулен Руж» и принялась танцевать.

Танцевала она обалденно. Это мне совершенно не нравилось.

«Хотите провести эту ночь со мной?»

Она кружилась и сияла. А я грустил, что не знал ее маленькой.

* * *

За всю неделю она больше ни разу не пыталась изображать перед нами дамочку. Словно бы испугавшись того, что открыла в себе в этот вечер, она спряталась в образ маленькой девочки. Это было ее прощание с детством. Последняя неделя детства.

Проснувшись чуть свет, она бежала в гостиную и ставила «Баффи». Когда я, проходя мимо, видел какой-нибудь отрывок, меня всякий раз чуть не выворачивало: рыжуха, затянутая в черный винил, попирала коленями закованного в цепи чувака и наносила ему ожоги спичками; кретин-панк пил «Jack Da», напевая мелодии Сида Вишеса; жуткие чудовища терроризировали героиню — двусмысленность сюжета сомнений не вызывала. Я с любопытством поглядывал на Нанси: что она из этого понимает? И уводил ее гулять.

По вечерам мы с Сандрой приходили в нервозное состояние: мы решили не курить травку при девочке, и ближе к ночи нас ломало по-страшному. Мы начинали ее донимать: «Ты правда не устала?» или «Поздновато уже, пора тебе спать».

Я стремался Алискиной реакции, воображал, как она врывается к нам и устраивает скандал. Что в скандалах она сильна, я не сомневался.

И потом, если чего и не следовало делать на глазах у Нанси, так это торчать. Логично, в общем: в тринадцать лет я бы с ума сошел, если бы увидел, как мать курит косяк, а потом глупо смеется, развалившись перед телевизором. Я бы сгорел со стыда, меня бы стошнило от отвращения.

Общаясь с Нанси, я все пытался возродить в себе бывшего мальчишку.

Мне его чертовски не хватало. Не хватало его горячности, непосредственности, смешливости… Что-то тогдашнее угасло — я даже не знаю в точности когда; я оказался по другую сторону. Пропало воодушевление, душевный подъем, который я думал пронести через всю жизнь.

В четверг мы пошли все вместе к друзьям Сандры — предполагалось, там будет много детей.

Большой дом, очень милая публика, хотя и какая-то невыразительная. И кругом ребятня. Нанси отправилась к детям, а мы остались скучать со взрослыми. Когда мимо нас с воплями проносился ребенок, один из его родителей начинал орать, другой же знаками его успокаивал.

Я с облегчением отметил, что старики теряются перед детьми так же, как и я. Выходило, дело не только в том, что я узнал ее слишком поздно.

Потом дети забились в кабинет и засели перед Интернетом. Время от времени они возникали, обычно по двое, приходили жаловаться к нашему столу. Не могли договориться, что именно делать в Интернете. Потом исчезали, появлялись другие, тоже оскорбленные, стояли возле нас минуту-другую, уходили.

У Нанси, видать, было все в порядке, мы ее часа два не видели. И вдруг послышались вопли, конкретные. Из кабинета, держась за голову, вылетел раскрасневшийся, зареванный пацан. За ним, повесив нос, шла Нанси, огорченная и готовая к тому, что ей сейчас влетит.

Она ему врезала. Не знаю уж почему. Он что-то сказал, ей не понравилось, и она его стукнула. Присутствующие уставились на меня, я сгорал со стыда; меня не удивляло, что у моей дочери трудный характер, но вот роль папаши, отправляющего правосудие, была мне в новинку.

Кто-то сокрушенно произнес «а еще девочка». Вместо того чтобы обрушиться на дочь, я обернулся, отыскал глазами говорившего и отыгрался на нем:

— Ну и что, что девочка? А если бы это сделал твой сын, лучше было бы, что ли?

Сандра меня поддержала:

— Да что вообще такое? Почему девочка должна сносить оскорбления, не реагировать?

Короче, мы в таком трогательном согласии испоганили им вечер. И сразу после этой сцены смылись.

В такси я старался изобразить строгость и неодобрение. Однако на моем лице, да и на лице Сандры, прочитывалось другое: прикольно все-таки, что она отколотила гадкого мальчишку. Он нам сразу не понравился. В итоге я произнес:

— Ну ты даешь, здорово ты ему вмазала… то есть вообще-то это плохо, понимаешь, ну нехорошо… но все равно ты здорово ему вмазала…

Я не мог скрыть, что целиком на ее стороне. Что разделяю ее гнев, понимаю чувство внутреннего дискомфорта, когда ты никого не устраиваешь.

Нанси долго донимала таксиста и заставила-таки его поставить скай-рок; мы возвратились в хорошем настроении: эдакая беспутная семейка.

Вечером, когда Нанси ушла спать, мы замастырили огромный джойнт, дабы компенсировать все недополученное за день, и Сандра, не отрывая глаз от телевизора, положила голову мне на

плечо:

— Знаешь, из тебя клевый отец получается, просто потрясный.

Комплимент мне понравился. Впервые я, выслушав похвалу, не испытал ощущения, что всех надул. Роль отца мне удавалась. Возможно, у меня к этому талант.

Мне надо было в тот вечер обнять Сандру и поцеловать. Надо было следовать за ходом вещей. Но я воздержался. Как будто у меня вся жизнь впереди.

* * *

В конце недели Нанси убрала всех кукол и свои детские диски и подсела на металл. Мы не очень поняли, что происходит. От старшего брата одной подруги она услышала про «Уотч» и отыскала у Сандры диск. «Это хорошо?» — спросила она. «Дерьмо», — ответили мы, и она запала на него, еще не успев послушать.

Она позвонила подруге:

— Слушай, спроси у брата, он знает «Плеймо»?

В ожидании ответа она придерживала трубку плечом и болтала с нами о том о сем, потом неожиданно прерывалась:

— Знает? Скажи, что у меня есть… Вау! Это

отпад.

При этом она смотрела на себя в зеркало и принимала соблазнительные позы, отчего мне хотелось лечь и умереть.

Нанси слушала «Уотч» и «Плеймо» поочередно, подряд, беспрерывно и на полную громкость, как это теперь принято, и скакала по всей квартире, будто зацикленная мажоретка.

Как и многие ветераны, мы с Сандрой болезненно относились к музыке, которой увлекалась нынешняя молодежь. Мы обвиняли их в том же, в чем наши предшественники обвиняли нас: что у них извращенное восприятие, что все они кретины, что не знают главного, не присутствовали при самом важном. А оно, понятно, происходило тогда, когда нам было двадцать.

Металл раздражал нас еще больше, чем Бритни. Сандра не выдержала:

— Ты нас достала своим прыганьем с утра до ночи… Придется сводить тебя на «Кикбэк».

Я вздрогнул и уставился на Сандру с негодованием, она меня успокоила:

— Это прослушивание, в «Черном шаре».

Что ж, если там соберутся только журналисты да избранная публика, будет обстановка как на джазовом концерте, чуть побольше шума. Это

еще куда ни шло. Хорошо бы оно и впрямь выглядело пристойно, потому что Нанси уже было не остановить: при мысли о концерте она реально лезла на стенку от восторга.

— Ты никогда не была на концерте?

— В детстве я видела Элен, а еще «Спайс Гёлз», Дженет Джексон и МС Солара.

— ОК. Пойдем на «Кикбэк».

Едва я взглянул на очередь перед входом, мне сделалось суперстремно, а Нанси принялась повторять:

— Это самый прекрасный день в моей жизни. Я вам буду вечно благодарна.

При этом она таращила восхищенные глаза и была похожа на белку в экстазе… Вокруг стояли двухметровые детины сплошь в татуировках и пирсинге, все в бесформенных джинсах, едва державшихся на ягодицах. Я злобно сдавил Сандре руку:

— Это ты называешь прослушиванием?

— Прямо не знаю, что сказать… Может, журналисты от металла бешеней других?

Я боялся, что Нанси улизнет и пойдет болтать с первым встречным. Но она спокойно стояла рядом, только глазища пялила. Нетрудно было догадаться, что она уже мысленно сочиняет вер-

сию, которую расскажет в школе, и высматривает детали для придания рассказу достоверности.

Начался концерт. Я напрягся, как всякий раз, когда попадаю на сейшн с гитарами. Я выискивал недостатки и недоверчиво косился на веселящихся. Однако знал по опыту, что правда всегда на стороне тех, кто отрывается.

Я усадил Нанси на стойку в глубине зала. Выпрямив спину, положив руки на колени, она сияла, завороженная обилием шума.

Я сделал ей знак, чтобы она ни с места, подумал, что Сандра все-таки рядом с ней, и пошел вперед, посмотреть, что там на подиуме. С намерением, понятно, поехидничать и позлословить.

Однако, подойдя ближе, я вынужден был признать, что оно катило. Что-то еще живо, порадовался я и ощутил боль, так как мне там не осталось места.

Зачем жизнь представляется нам такой захватывающей и волнующей, если потом все должно поблекнуть, скукожиться, утратить вкус?

На авансцене метались светящиеся парни, вмазывали кулаками по воздуху или по соседу и ногами то в пустоту, а то и по башке; яростная разрядка, лица перекошенные, сосредоточенные и счастливые.

Я держался в стороне и, прислонившись к стенке, наблюдал за происходящим с грустной улыбкой.

И вдруг увидел Нанси посреди этого мордобоя. Несколько секунд ушло на то, чтобы узнать ее и отреагировать. Еще несколько — чтобы добраться до нее сквозь махаловку. Я схватил ее, и тут только парни на сцене въехали, что она девочка и к тому же совсем еще маленькая. Они помогли мне оттащить ее в сторону. Детский сад им тут был не нужен.

Когда мы вылезли из пекла, Нанси бросила на меня счастливый взгляд, притянула к себе, чтобы я наклонился и лучше ее слышал, и проорала:

— Я вся потная!

А то я не заметил: пот лил с нее градом, волосы слиплись. Еще она крикнула:

— Это самый прекрасный день в моей жизни!

И запрыгала на месте, подражая танцу, от которого я ее отвлек.

Запрещать ей трясти головой я не стал. Я отвернулся на тридцать секунд взглянуть на музыкантов — она снова исчезла и снова оказалась там. Я увидел, как она беснуется вместе с парнями, и на мгновение замер. На первый взгляд она ничем не выделялась и даже прекрасно вписы-

валась в их компанию, потому они и не привели ее сразу ко мне. Она лупила кулаками изо всех сил, исходила яростью, лицо ее непроизвольно перекашивалось. Она была моей крови. Я и не знал, что предрасположенность к озлоблению передается по наследству, как цвет глаз.

Я уволок ее в дальний угол зала. Мы нашли Сандру, она пила пиво и что-то орала долговязому татуированному кретину, с которым я ее видел на вечеринке.

Мы вышли на улицу. Нанси ликовала. Я объяснил ей:

— Ты не должна лезть вперед на таких концертах. Там рубка.

— Мне никто не сделал больно, и мне ни чуточки не страшно. Не забывай, я как Баффи. Там круто!

Взгляд ее витал где-то далеко, она воображала, что расскажет в школе, как будет кидать понты, и от этого приходила в экстаз.

Я уперся и продолжал выговаривать:

— Нет, вперед выходить очень опасно. Ты не должна этого делать, даже если будешь без нас. Слышишь?

Она не воспринимала мои слова всерьез, в тот вечер она открыла для себя что-то очень важное,

и мне следовало понять, что ей необходимо прийти сюда еще раз.

— Потому что я еще мала? — спросила она со смехом.

— Потому что ты баба, черт побери. И нечего тебе там делать.

Мои слова произвели эффект пощечины. Она остановилась и уставилась на меня, потрясенная. Я сделал вид, что не заметил убийственного взгляда Сандры. Нанси выглядела совершенно несчастной. Я вздохнул:

— Все равно в следующий раз меня здесь с тобой не будет.

Откуда мне знать, как надо разговаривать с девочками.

* * *

Возвращая Нанси домой в конце недели, я несколько смягчился в отношении ее матери: каникулы прошли потрясно, да, но девчонка в доме — это атас. Я начал понимать, что Алиса не всегда справляется с ситуацией, а иногда и чувствует себя совершенно беспомощной. Она делала, что могла, вот и все.

После каникул она выглядела измученной. Я впервые был с ней искренне любезен:

— Если тебе что-нибудь нужно в другие дни, скажи, не стесняйся…

Она к такому не привыкла и послала меня подальше:

— Не бери в голову.

* * *

Так все и продолжалось до лета… Среды я проводил с Нанси. Она крепко запала на металл, Алиса винила в этом меня: «Это она чтоб тебе понравиться», а я усматривал тут прекрасный повод начать слушать хорошие диски.

К моей радости, Нанси перестала одеваться как чучело.

Я сдал в срок два перевода, принес Сандре немного денег…

Понемногу начал забывать о Катрин, лишь иногда воспоминание выстреливало пронзительной болью.

Переспал с булочницей, кончить опять не смог, зато она проявила чудеса изобретательности, желая мне помочь. Я пришел к выводу, что так оно даже совсем неплохо…

Словом, до лета все складывалось тип-топ. А вот после пошел наворот.

Часть третья
На ковре-бомбомете

Чрезмерно ли требовать от этой странной разновидности выброшенных на берег рыб, каковой является род людской, чтобы они предусматривали немыслимое — для блага эволюции.

Уильям Берроуз

В начале сентября я ждал Нанси у нее дома.

Лежал на спине, скрестив ноги на подлокотнике дивана, и в балконную дверь глядел на Эйфелеву башню. Она стояла прямая, четко вырисовываясь на фоне серого, исполосованного розовым неба. Я достал из пакетика два леденца-медвежонка, одного желтого, другого красного, их химический вкус образовывал приятное сочетание.

Затем услышал, как грохнула дверь лифта, повернулся ключ в замочной скважине. Привычные звуки, приносящие успокоение. Я взглянул на часы — Нанси пришла рано, после школы нигде не задерживалась. Не меняя позы, я спросил:

— Ну как, старуха, все в порядке?

Она бросила портфель на пол, а пальто на диван. Плюхнулась в красное кресло у меня за спиной — так обычно садятся психари, — включила телик и вздохнула:

— Как бы я хотела иметь других родителей.

— Очень любезно. Тебя кто-нибудь обидел?

— Не повезло мне. Черная несправедливость.

Она пробубнила это на одной ноте и снова принялась вздыхать. Я выждал в надежде, что у нее все само пройдет. Потом, едва не свернув себе шею, изловчился и взглянул на ее физиономию. Мрачная. Мрачная реально. Нет, само не пройдет.

Она посмотрела на меня, нахмурилась:

— Ты стырил у мамы траву.

— Во-первых, я ничего не тырил. Во-вторых, у мамы нет травы. В-третьих, не надоело тебе злобствовать?

Нанси поднялась и изрекла:

— Ясное дело, накурился. В коллеже, они когда обпыхаются, у них такие же глаза, как у тебя.

Я продолжил шутливым тоном в расчете, что подействует:

— А хамить не надоело?

Не помогло, она проскрежетала сквозь зубы:

— Кончайте держать меня за маленькую и

заниматься всякой хренью за моей спиной, достали уже.

Летом она резко перескочила из детства в отрочество. В один вечер: ей все осточертело, мы все кретины, так продолжаться не может. Время она выбрала не самое удачное: мамашу кинул ее хахаль — понятно, депрессуха и все такое. Теперь я оставался с Нанси чаще, чем раньше, приходил вечерами. Парочке: мать на грани самоубийства и дочь на грани нервного срыва — моя никчемность могла пригодиться.

Я пошел на кухню к Нанси. В рекордно короткий срок она успела извлечь и вывалить на стол шоколадные муссы, плитки «Галак», вафли с малиной, печенье с орехами и «Баунти». Политику ее матери я тут совсем не понимал: зачем держать все это в доме, если девочка и так переедает? Но выговаривать Алисе не стал, ни про еду, ни про что другое — больно полоса для этого неподходящая.

За лето Алиса сильно изменилась, постарела лет на десять. Сникла вся, словно время и впрямь навалилось на нее своей тяжестью. Поначалу, узнав от Нанси, что мамашин дружок дал дёру с девчонкой из своей конторы, я только посмеялся. Но, увидев, как это рубануло Алису, смеяться

перестал. Я всегда симпатизировал людям, у которых что-то не клеится. Это уравнивало меня с ними. Алиса же выплескивала свое раздражение на меня, и я поистине героическим усилием заставлял себя с ней любезничать. Сандра, правда, уверяла, что не такой уж скверный у Алисы характер, а все дело во мне, типа, что у меня проблемы с «матерью». Оттого, дескать, что моя мать меня не любит, я переношу свою неприязнь к ней на мать Нанси. Когда Сандра внушала мне подобную фигню, я обычно молчал от неловкости за нее. Не знаю уж, имела ли эта мистико-психоаналитическая галиматья какой-нибудь смысл, только я нахлебывался дерьма всякий раз, когда проявлял внимание к Алисе; во мне ли было дело или в ней — но контакта у нас не возникало. На мой взгляд, проблема заключалась в том, что мы с ней никогда и словом бы не перемолвились, если бы нас не вынуждали к тому обстоятельства.

Нанси стояла набычившись: что-то задело ее очень глубоко. Наморщив лоб, она усердно пихала в себя сладости. Я подошел к ней сзади, положил ей руку на плечо, приготовясь к тому, что она меня отошьет: она только и делала, что всех отшивала. Но она меня не оттолкнула и даже не возражала, когда я, сев с ней рядом, притянул ее

к себе. Я понял, что огорчение ее в самом деле велико. Она обвила меня руками за шею, приникла ко мне и заплакала. Это меня совсем подкосило: я никогда еще не видел, чтобы она плакала. Я не стал сразу приставать с расспросами, а обнял ее покрепче, погладил по волосам, приговаривая:

— Поплачь, это хорошо, выплачься…

Я заметил, что изо рта у нее на мой бежевый джемпер вытекла струйка шоколадной слюны. По природной дурости я рассмеялся.

Она разжала объятия, распрямилась, заправила прядку волос за ухо. Я сказал:

— Тебе идет, когда у тебя вот так блестят глаза. Ты красивая, и, надеюсь, ты это знаешь.

Она не удержалась и быстренько нагнулась взглянуть на себя в стекло духовки.

Я встал, протянул ей бумажную салфетку, чтобы вытерла глаза. Она уже взяла себя в руки, на лице ее гнев вытеснил печаль. С проворством, удивившим меня самого, я убрал со стола все сладости.

— Съешь яблоко на полдник, ужин будет не поздно.

Она метнула на меня уничтожающий взгляд, я хмыкнул:

— Ну-ну! Разве это я ною, что я толстый, всякий

раз, когда ем пирожок… По мне, ты и так хороша.

Я постоянно осыпал ее комплиментами. Сандра внушила мне, что в отроческом возрасте ей это необходимо. Что ей требуется поддержка и комплименты нужны, как цветку вода.

Нанси недовольно хлюпнула, схватила яблоко, будто это граната и она собирается вынуть из нее чеку, и надкусила его… Я взял ее за руку и усадил рядом с собой:

— Скажи мне, что случилось?

Глаза ее затуманились слезами, я потер ей спину, забеспокоился: может, это из-за меня.

— Ты правда подумала, что я курил, и это тебя расстроило?

Она ответила упрямо и жестко:

— Ты наширялся. Но из-за этого я нюни распускать не стану.

— Даже если бы я курил, слово «наширяться» тут не подходит.

— У вас — не знаю… А теперь так говорят.

Я хмыкнул. Меня всегда смешило, когда она разговаривала со мной, как я в детстве со своими родителями. Она еще пыталась дуться, но, подкупленная моим чистосердечием, не смогла сдержать улыбки. Затем уселась ко мне на колени. Она уже стала великовата для моих колен, но

регулярно это проделывала.

— Я серьезно, это несправедливо, что вы мои родители.

— И как ты пришла к такому выводу?

— За Одиль заехали в школу предки. Они меня подбросили, поскольку это по пути, и…

Она прикусила губу, чтобы не расплакаться снова.

— Осторожно, у тебя пузыри в носу. И что же родители Одиль? Они такие клевые, только и мечтают, чтобы она шаталась ночью по кабакам и приводила домой парней, покупают ей тяжелые наркотики пачками и требуют, чтобы в школах отменили математику?

Она раскачивалась взад и вперед, будто умом повредилась, и молча мотала головой. Я продолжил в том же духе:

— А если какой учитель осмелится сделать ей замечание, родители заявляются в коллеж и — ломом его. А когда едут отдыхать, непременно берут с собой диски Лила Бау Вау…

Я понимал, что морочу ей голову пошлым юмором, пользуясь тем, что ей всего тринадцать лет. Я мог бы хоть весь вечер разглагольствовать на

тему «родители Одиль, они „ой“»[21], но Нанси меня оборвала и, глядя прямо перед собой, произнесла тихим голосом, спокойно и отчетливо:

— У нее скоро будет сестричка. Они все ужасно рады. Сразу видно, они любят друг друга. У них нормальная семья. А у меня ее нет. Это несправедливо.

Такого я никак не ожидал. Я воображал, что она разыгрывает спектакль, потому что схлопотала пару. Или какой-нибудь парень не пожелал одолжить ей куртку, или еще не знаю что… Ее слова полоснули меня по сердцу, будто кто ножом садануул. Я гладил ее по спине, не находя, что сказать.

— Мне очень жаль, Нанси, очень жаль…

— Чего тебе жаль?

Она в ярости соскочила с моих колен. Настоящая маленькая женщина. Но это еще не все: передо мной стоял человек ожесточенный, и такой она останется на всю жизнь. Она закатила глаза:

— Ему жаль! Моя мать с ума сходит оттого, что ей уже скоро сорок, а жизнь не сложилась. По вечерам ножом режет себе запястья, точно молоденькая. Это ты знаешь? А теперь еще новое:

---

[21] Примечания: 21

Ой, панк/ой — одна из наиболее радикальных разновидностей постпанка, зародившаяся в Англии на рубеже 70–80-х гг.

высасывает бутылку виски, ночью я встаю и помогаю ей блевать, она ревет не переставая, сам видел, на что она стала похожа. Да ни на что… У меня мать — жалкая никчемная женщина, это смешно только в телевизионных комедиях. А ты, ты, конечно, очень мил, но у тебя даже дома нет, работы нет, подруги нет… и книгу свою ты никогда не напишешь, потому что ты неудачник; ты только десятилетним можешь показаться классным и прикольным. И кем я вырасту в такой компании? А? Неудачницей, да и только. Это несправедливо.

Она хлопнула дверью, ушла и закрылась у себя.

Я остался сидеть, вцепившись руками в стол. Меня подмывало пойти за ней и отлупить хорошенько. Войти к ней в комнату и врезать ей со всей силы. Но я понимал, что нас это никуда не продвинет. Что она права. Положение осложнялось. А в сложных положениях у меня всегда возникало лишь одно желание: послать все к такой-то матери и смыться.

Я слышал, как она рыдает у себя на кровати. Я уже и сам не знал, злюсь ли я на нее, презираю ли, сочувствую ли или мне вообще все это по диагонали…

В итоге принялся доставать посуду из машины.

* * *

Сандра была категорична:

— Ты должен ее поддержать. Она сейчас как бы переходит реку по острию бритвы. Твое дело поддержать, больше ты ей ничем помочь не можешь. Ты правильно отреагировал. Когда такое происходит, ты должен промолчать, успокоиться и потом ее поцеловать. Ты ее поцеловал?

Зажав во рту сигарету и сощурив глаза, она разбирала бумаги: одну стопку складывала на стуле, другую на столе, третью позади себя на полу — на выброс, бумаги последней категории предварительно рвала пополам.

— Ну да, мне стало ее жалко, и я пошел ее утешать.

— А потом?

— Посмотрели «Баффи», послушали «Систем оф э Даун». Пришла Алиса, видела бы ты, как она изменилась… я и не думал, что этот хмырь так много для нее значит. Совсем другая женщина. Положительный момент: мне ее так жалко, что даже не тянет ее трахнуть.

— Я рада за тебя. А в остальном не парься, просто полоса такая. Перемелется. Что Нанси

устраивает сцены — это нормально, гормоны играют. Но вообще-то ей есть с чего беситься.

— Ты видела, сегодня по кабельному опять «Киллера» крутят. Давай сварим макароны и посмотрим?

Она резкими движениями разорвала три страницы, сглотнула слюну и буркнула, не глядя на меня:

— Сегодня я ухожу.

— Опять к этому?

— Опять. С ним ничего, прикольно.

— Мне показалось, он полный кретин.

— В общем, нет. Он не похож на моих обычных хахалей. А учитывая, что я всегда лажаюсь, я подумала, может, не вредно попробовать.

Я принял это и на свой счет тоже: злится, стало быть, что мы ни разу не переспали. С бабами всегда так: если ты ее хочешь, она недовольна, дескать, ты только об одном и думаешь; если же ты об этом не думаешь, она, понятно, тоже недовольна.

Сандра встречалась с тем татуированным занудой, которого я уже видел. В первый раз, когда она не пришла ночевать, я воспринял это нормально. Типа, я либеральный, терпимый, уверенный в себе и не поддамся ревности, как дурак…

Во второй раз я не понял, зачем она к нему идет снова. Я его, конечно, не знал, но по ее же рассказам выходило, что он чувак гнилой, пусть с примочками, припанкованный, но все равно гнилой. И с ней обращался не так, как следовало. Не так, как обращался бы я, будь я на его месте, от которого, впрочем, сам же и отказался. И опять выходило, что во всем виноват я. И до чего же мне это обрыдло.

На третий вечер я вынужден был констатировать, что не люблю одиночества. Что мне оно дико не по кайфу. Что я ревную. Что меня плющит и я желаю, чтобы он сдох. И мы остались бы вдвоем.

Но жаловаться я, понятно, не мог и помалкивал в тряпочку.

* * *

Случаются недели, когда наваливается все сразу… На другой день я отправился на бульвар Сен-Жермен сдавать перевод. Мэйлов они не принимали. Дискеты тоже. Это издательство немного не догоняло в смысле Интернета, принтеров и прочего. Максимум, с чем они были знакомы, — ксерокопия.

От них заглянул в книжный магазин, болтался

там довольно долго, подумывая, не украсть ли биографию Э. Бункера[22]. Но не стал, ушел.

И встретил Катрин. За время, что мы не виделись, она превратилась в совсем другую женщину, хотя и очень похожую на прежнюю Катрин. Она коротко остригла волосы, символика образа «я освободилась от мужчины-угнетателя и стала эмансипированной» повергла меня в уныние, но я не подал виду. Прическа ей в общем-то шла, молодила ее, глаза казались больше. Она сильно похудела. Грудь у нее всегда была маленькая, бедра узкие — похудев, она стала плоской как доска. Тело пацана. Прежде она мне нравилась больше, но я опять же смолчал.

Чудно было ее видеть. Я давно уже перестал о ней думать и теперь испытывал странное ощущение. Мы чувствовали себя одновременно и стесненными, как чужие друг другу люди, и очень близкими.

Увидев меня, она не улыбнулась, но устремилась ко мне, как снаряд к мишени. Словно ждала этой встречи. Она не радовалась, не волновалась, она упорно шла к цели, а цель заключалась в том,

---

[22] Примечания: 22

Бункер Эдвард (р. 1933) — американский писатель, актер, сценарист, известный своей скандальной биографией, неоднократно сидел в тюрьме за различные преступления, в том числе грабежи и убийство.

чтобы выказать мне презрение.

Я предложил ей пойти выпить кофе в надежде, что она откажется, — уж больно неловко все складывалось. Она устало согласилась.

— Что новенького? — произнесла она с вызовом, выставив вперед маленький подбородок.

Сила ее ненависти меня потрясла. Я попробовал пошутить:

— Вау! Да ты меня все еще любишь!

— Поскольку ты меня не спрашиваешь, я сама тебе скажу, что у меня новенького: я стала начальницей отдела DVD в магазине «Вирджин», с Мартеном у нас все хорошо, и я жду ребенка.

А я и забыл, что ее дружка зовут Мартен, как Алисиного. Это меня развеселило. Я сказал:

— Поздравляю. Послушай, Катрин, перестань смотреть на меня так, будто собираешься плюнуть мне в лицо. Да, я оказался не на высоте, ты меня выставила, я, черт возьми, был хорошенько наказан… Неужели ты теперь всю жизнь будешь на меня злиться за то, что я страдал агорафобией, когда жил у тебя?

— Я вижу, какая у тебя агорафобия…

— У меня выбора не осталось. Ну и потом, я изменился. Знаешь, что со мной случилось?

Она покачала головой и презрительно со-

щурила глаза. Не припомню, чтобы меня еще кто-нибудь так ненавидел. Я подумал, что мой рассказ ее немного смягчит:

— Помнишь, ты нашла у меня в кармане визитную карточку?

— Помню ли я?

Голос звучал оскорбленно, будто все случилось вчера. Она, оказывается, запала на меня так, как я и не подозревал.

— С этой девицей я не виделся тринадцать лет. Она кровь из носу хотела со мной поговорить, поэтому я и вышел. Я тебя не спрашиваю, помнишь ли ты, что я вышел… Так вот, она мне сообщила, что у нее от меня дочь.

Минут на пять Катрин перестала меня ненавидеть и мобилизовала всю свою энергию на то, чтобы въехать:

— Дочь?

— Зовут Нанси. Ей тринадцать лет. Так что, видишь, я тоже стал папой! И еще скажу тебе: здорово, что ты ждешь ребенка, это, знаешь, клево. То есть конкретно сейчас с Нанси не очень клево… Не знаю, как это у тебя было, но сдается, девчонки часто бывают несносными в этом возрасте…

Катрин смотрела на меня широко открытыми

глазами, полными недоверия.

— Это что, очередной бредовый вымысел?

— Нет. Мне нравится, что ты употребляешь слова нашего президента. Но это правда. А в остальном не беспокойся, я все так же нищ. Ну, работаю чуть-чуть… ничего потрясающего. У меня все равно уходит неделя на то, чтобы решиться войти в метро, я по-прежнему заглатываю все антидепрессанты, какие существуют, и впадаю иногда в чудное состояние…

— Почему ты мне не сказал?

Она была шокирована сильней, чем я, когда узнал про дочь. Я пожал плечами:

— Сам не знаю… В сущности, не было времени поговорить. Вечером я лег спать. А утром ты так рассвирепела, что я слова вставить не смог…

Катрин сильно побледнела. Я сообразил, что совершил чудовищную глупость. Она зарыдала:

— Почему, черт возьми, ты мне ничего не сказал? Я бы тебя не бросила… Я думала… я думала… Я бы не ушла, если бы ты сказал…

Она повторила это раз десять. Я стал ее успокаивать:

— Брось, не расстраивайся, все кончилось хорошо. Меня это подтолкнуло, как пинок под зад, ты нашла подходящего парня… Теперь ты ждешь

ребенка, это здорово… Грустно, конечно, немного, но не с чего уж так горевать.

Я знал, что беременные, они все со странностями, поэтому не слишком волновался, и вдруг она завопила на все бистро:

— Да не люблю я его, твою мать! Если бы ты мне сказал, я бы осталась с тобой, я хотела ребенка от тебя!

Она кричала с такой страстью, что я не знал, куда деваться. Официант за стойкой улыбался во весь рот.

Я был совершенно обескуражен.

* * *

— И тебя это не удивляет?

— Она просто идиотка. Что за фигня: она тебя бросила, ни разу не позвонила, забеременела, а когда ты ее встречаешь, она, видите ли, рыдает, что не должна была от тебя уходить? Да это черт знает что…

Сандра развила бешеную деятельность: решила постирать шторы. Ходила от окна к окну с табуреткой в руках, отважно на нее взбиралась и снимала очередную занавеску. Я таскался за ней по пятам и стоял у нее за спиной, чтобы в случае чего поддержать. Насчет Катрин она завелась

как следует:

— И вообще, если говорить откровенно, у нее кисель в коробке: ты вел себя с ней как последняя скотина, она от тебя ничего хорошего не видела… Что за блядские приступы мазохизма? Не понимаю…

Лично меня такой поворот событий только радовал. Давно уже ничего в моей жизни не волновало Сандру до такой степени. Мне приятно было воображать, будто ее раздражение вызвано страхом, что я вернусь к Катрин, то есть страхом меня потерять.

С тех пор как Сандра стала встречаться с татуированным, я все обдумал: нам надо быть вместе. Правда, я ничего конкретного не предпринимал и с Сандрой своими соображениями не делился. Но для себя я это четко сформулировал, что само по себе казалось мне шагом вперед. Она запихнула шторы в стиральную машину и повернулась ко мне:

— Ты все еще ее любишь?

Если она и волновалась, то отлично это скрывала. Я ответил:

— Нет. Сцена в баре меня огорчила, но… не потрясла. Знаешь, с мальчишескими чудачествами покончено. Чтобы я стал жить с бабой,

беременной от другого, — нет уж! Даже если бы я ее обожал. Дудки! Следующего ребенка я сделаю нормально с женщиной, которая не будет ничего от меня скрывать, я хочу видеть, как он родится, и должен тебе сказать, что буду с удовольствием вставать ночью и давать ему соску.

Я, типа, раскручивал себя в глазах Сандры, на будущее. Она виду не подала, что ее это интересует.

Она собиралась на свидание со своим пирсингованным придурком. Я, как обычно, проводил ее шуткой:

— У него что, пирсинг на кончике члена?

— Отвяжись.

— Если нет, не понимаю, что ты в нем нашла.

— А с пирсингом понимаешь?

— Тьфу, не говори гадостей, меня сейчас стошнит.

Я остался дома один в отвратительном настроении.

* * *

По телевизору — ничего, я забил косяк: чтоб чем-нибудь себя заинтересовать, мне надо было хорошенько убиться. Как всегда по вечерам, набросал четкое расписание на завтрашний день.

Составлять длинные перечни неотложных дел, насущных решений, необходимых звонков — это занятие меня успокаивало, даже если в конечном итоге я ничего из намеченного не выполнял. Как всегда по вечерам, я поклялся себе, что завтра примусь за роман. Когда забуреваешь, голова полнится мыслями, и я воображаю в подробностях, как завтра сяду за работу.

Туфта! Я гнил и выхода не видел.

Вдруг вспомнил о матери, и тут пошел чистый психодел. Дескать, срочно надо отвести к ней Нанси — мать должна увидеть ее перед смертью.

Мать родила меня в восемнадцать лет, и теперь ей не было еще и пятидесяти. Разумом я понимал, что в ближайшее время она вовсе не собирается нас покидать. Но в тот вечер я высадился на измену по полной. С маразмом пора было кончать.

Если разобраться, с Кэт все разрушилось по моей вине, раньше следовало въехать, что… она мне нужна. И что Сандра трахалась на стороне — тоже моя вина, надо было самому. Была частица моей вины и в том, что Алиска в свое время не попыталась мне написать или позвонить, ну, понятно, в общем… Последние месяцы я старался не вспоминать, но ведь я тогда факался со всеми герлами подряд и от Алисы этого не скрывал. Я не

показывал ей, что нахожу ее соблазнительной, прикольной, трогательной. Доля ответственности лежит и на мне. Пустяк, конечно, в сравнении с тем, что сделала она… Но все-таки… Нищета-сука преследовала меня неотступно, прилипла ко мне навечно, как ничто другое на свете, въелась, стала мной, и расставаться с ней я не желал. Только в конце концов она меня раздавит, расплющит и сама распластается на моем месте. А я так и не научился остерегаться ее, держаться от нее подальше.

Мучительные мысли роились у меня в голове, и тут зазвонил телефон; автоответчик был включен, я не стал подходить: скорее всего звонили не мне. Это оказалась Алиса, голос мрачный, заплетающийся от транков, перемешанных с алкоголем. Я снял трубку, она рыдала — ну полная непруха!

— Нанси у тебя?

— Ты думаешь, что говоришь?

— Полный кошмар, звонили из школы: ее выгнали. Продавала коноплю.

— Не реви так, это еще не… в общем, неприятно, конечно, но нельзя же так… Черт! Алиса, уже почти одиннадцать, почему ты звонишь только теперь?

Я разозлился, что она звонит так поздно, поскольку уже укурился и плохо соображал.

— Не хотела тебя зря беспокоить. Мы с ней разругались, и она ушла. Я больше не могу, Брюно.

— Ушла?

— Я выпила успокоительные, легла. Потом что-то меня разбудило, я зашла к ней в комнату, а ее нет.

— Ты ходила в полицию?

— Я только оттуда, но я больше не могу…

Я догадывался, к чему она клонит, и боялся это услышать, но и отвертеться не отвертишься. Я спросил:

— Ты хочешь, чтобы я приехал?

— Хорошо бы.

— Ловлю такси и еду.

* * *

Когда ты на Барбесе, слова «ловлю такси» следует понимать буквально. Тем более что я белый… Я дошел пешком до мэрии восемнадцатого округа, лихорадочно вглядываясь в проезжающие автомобили, в одном месте перебежал дорогу и уже вцепился в водителя, но получил традиционный ответ: у него кончается смена, и ему не по пути. На стоянке ждать пришлось недолго. Я сразу

узнал женщину за рулем: она везла нас, когда я переезжал к Сандре. Тоска. А с другой стороны, забавно: редко случается встретить одного и того же водителя.

— Застава Шамперре.

— Как предпочитаете ехать?

— Давайте по Периферическому. Если это быстрей…

Лучше бы я ничего такого не произносил. Она восприняла мои слова конкретно; мне пришлось вцепиться в ручку над окном; я напрягся, не переставая твердить себе, что я мужчина и не к лицу мне просить миниатюрную женщину сбавить скорость.

Попробовал позвонить Сандре на мобильник: «Оставьте ваше сообщение». У меня сжалось сердце: предала, бросила, и она тоже. Я наговорил сообщение, резюмировал ситуацию. Они с Нанси изредка обменивались мэйлами — может, ей удастся что-нибудь узнать.

Таксистка обернулась ко мне, одновременно набирая скорость, а я еще крепче сжал ручку, с прискорбием сознавая бесполезность моих усилий.

— Девочка сбежала из дома? Сколько ей?

Малышка ее явно интересовала. Я предпочел бы

молчаливого парижского шофера, который пассажиров своих в упор не видит. А тут пришлось отвечать; впрочем, я сохранил холодность:

— Тринадцать. Разругалась с матерью и ушла. Больше я пока сам ничего не знаю.

— Вы разошлись?

— Мы не сходились… то есть сходились, когда ее делали, но это делается быстро.

Она засмеялась, смех ни мужской, ни женский, а словно бы смех эльфа.

— Тринадцать лет — трудный возраст для девочки, — добавила она.

— Догадываюсь…

Нас обогнала гоночная машина с четырьмя отвязными юнцами; музон гремел у них на полную мощь, мчались, вероятно, со скоростью километров четыреста и скользили по Периферическому бульвару, как по автодрому.

За окном с вызывающим идиотизмом мелькали эмблемы разных фирм. Я снова вспомнил Фицджеральда: «Наши родители оставили нам искаженный мир».

Я злился на Нанси: думает только о себе, капризничает, мать изводит. Я еще не начал волноваться — ярость пересиливала.

Заметив, что меня не тянет на разговор, так-

систка замолчала, как раз когда мне захотелось ее послушать. Я спросил:

— Чудно. Я уже ездил с вами, и вы уже говорили, что тринадцать лет — трудный возраст. У вас тут что-то личное?

Она протянула мне косячок, совсем маленький, незаметный. Я затянулся.

— Когда мне было тринадцать, родители надумали меня укротить. Мы жили уже здесь, во Франции, они чертовски хотели интегрироваться, а меня поместили в психушку. Чтоб мне голову в порядок привели. Они были достаточно продвинутыми и знали, что существует такая штука — психиатрия, но не смыслили в этом ни бум-бум. Полагаю, они рассчитывали, что мне вскроют череп и два-три нейрона поставят на место. Как запчасти в автомобиле. Номер не прошел. Психиатрия в Европе — это каменный век. Они пишут умные книги, а сами еще на том уровне, когда зубные врачи рвали зубы клещами… Только мозг — не зубы, его нельзя рвать не разобравшись, особенно клещами… Какую-то пользу я все-таки извлекла: повидала кучу сверстников. Получила пищу для размышлений…

Она охотно шла на разговор и, как это случается с иммигрантами, тянулась к правильной речи,

умела построить фразу, подать ее с пафосом… Разве что гашиш мешал.

— Мозг в этом возрасте, — продолжила она, — очень хрупкий механизм. Все в становлении. Ты ничего не чувствуешь. Не чувствуешь боли, не ощущаешь повреждений. Может, тебе внутри уже все разбомбили, а ты думаешь, что оно идет путем. Сил-то избыток… А понимания — ноль. Первый встречный дубак нагонит тебе ботвы и западает в голову надолго.

Я был удивлен таким поворотом разговора. И огорчен одновременно: гнев постепенно уступал место боли, волнению, растерянности. Но тут, по крайней мере, я ступал на привычную почву.

До заставы Шамперре оставалось недалеко. Я спросил:

— А что, по-вашему, делать нам, взрослым?

— Не суетиться… Во всяком случае, я никогда не видела, чтобы отбившегося от рук подростка удавалось усмирить дисциплиной. Можно отсрочить кризис, но все подавленное силой рано или поздно всплывет.

— Остановите у светофора.

Она остановилась, обернулась и посмотрела на меня в упор:

— Подростки, я думаю, похожи на большинство

взрослых: они не знают, чего хотят, не умеют угадать, что для них хорошо. А хорошо для них то же, что и для взрослых: нужно им каждый день повторять, что их любят и им доверяют.

— Трудно доверять соплячке, которая сбегает из дома, стоит сказать ей слово поперек.

— Вы не хуже моего понимаете: проблема не в этом. Сейчас она одна на улице, ночью: как бы ни было плохо вам и вашей дамочке, в опасности-то она. Под угрозой ее жизнь. И успокаивать надо ее, успокаивать и еще раз успокаивать. Пока она не уразумеет, что напрасно впала в истерику. В противном случае она будет считать, что правильно поступила. Если вы ее сдадите на попечение властям, ну, любым, вы ей только подтвердите, что она не зря вам не доверяла. Или вы ее сломаете.

Неподалеку кучка проституток устроила скандал. Одни вопили на каком-то гортанном языке, по-видимому восточном, другие — на языке волоф[23]. Вряд ли они друг друга понимали, но орали с остервенением. Странная картина: изящные, хорошо причесанные дамочки в миниюбках надсаживали глотки, как дикарки. Рук не распускали, только кричали.

---

[23] Примечания: 23

Волоф — одна из народностей, населяющих Сенегал.

Возле них остановилась полицейская машина, из нее вышли трое в форме: двое белых мужчин и одна черная женщина. Женщина встряла в самую гущу и, расставив руки, заорала с сильным мартиникским акцентом, перекрикивая их всех:

— Знаете что? Хватит, вы людям мешаете! Прекратите цирк, слышите? Невозможно уже! Решаем просто: африканки идут к Порт-Майо, восток остается на Шамперре.

Девицы постояли, покачали головами. Потом разошлись, черные в одну сторону, белые в другую.

— И чтоб вас больше слышно не было! — крикнула им вслед полисменша.

Я расплатился и поднялся к Алисе.

* * *

«Я не дерьмо собачье».

Это записка, которую Нанси оставила у себя на кровати. Округлый ученический почерк, синие чернила.

Алиса вступила в довольно любопытную стадию зомбированности. Ходила за мной по пятам поникшая и загробным голосом рассказывала без конца одно и то же:

— Она пришла из школы и сказала, что полу-

чила четырнадцать по грамматике. Довольная, веселая. А потом позвонили из школы и попросили меня прийти завтра утром. Оказывается, она уже не первый месяц сама расписывается в дневнике. Пререкается на уроках, плохие оценки по всем предметам, а теперь и того чище… Принесла в школу марихуану продать ее другой девочке… Что делать? Что делать?

— Ты не представляешь, куда она могла пойти?

Алиса хлюпала и мотала головой. Она напомнила мне мою мать, я представил себе, как та сидела одна по ночам, когда я сбегал из дома. А я считал, что правда на моей стороне, обида заслоняла все, и мое бессердечие казалось мне справедливым.

Ситуация между тем складывалась тупиковая. Я присел на кровать Нанси. Неподключенный телефон «Микки», старая афиша «Спайс Гёлз», коробка с «Баффи», кассеты «Звездных войн», Мадонны, книги Сабрины, «Гарри Поттер», сказки, прозрачная сумочка с облачками, набитая косметикой, в рамке с дельфинами — фотография матери, а рядом моя, лошадь для Барби, перчатки, кроссовки «Найк», духи «Лолита», старый-престарый плюшевый слон, открытый «Блинк 182» на стопке дисков… Живущая здесь девочка была

сейчас где-то на улице, одна.

Я гнал из головы все мысли о том, что может случиться с девчонкой ночью в Париже. И все же то и дело вспыхивали в голове картины: улыбчивые старички, эксцентричные соблазнители, банды юных кретинов, верзилы-вербовщики.

Обидно было, что она не позвонила мне. Что мы, оказывается, не так уж близки, и она не позвала меня, когда ее накрыло реально.

Почва ускользала у меня из-под ног. И постоянно вспоминалась мать. Дети для тебя — всё. Все силы — на них, все мысли — о них. А в результате сидишь тут совершенно беспомощный и ждешь. И ничего другого не остается, как только надеяться, что с ними ничего не случится.

* * *

— Вспоминаю, какой я была, когда мы познакомились… Я совсем иного ждала от жизни. Но праздник обломился, и очень быстро. Понятно, все поехало после рождения Нанси… Я постоянно делала что-то не то. Я, как мадам Бовари, всю жизнь разочаровывалась, ожидала чего-то несбыточного, воображала там всякое… И вот имею… Я зла ей никогда не желала. Делала так, как мне казалось лучше.

Алиса легла на диван. Я нашел у нее диск Марвина Гея «What's going on» и слушал больше его, нежели ее.

Не нравилось мне, что она так обнажается, что ее повело на откровенности. Возникало ощущение, будто я подслушиваю то, что мне не надо слышать, пользуюсь тем, что она не в себе, и выведываю секреты. И так уже эта история с утаенной беременностью шарахнула меня необратимо. Девчонка, говорившая мне «люблю» в июне, в июле скрыла от меня дочь. Ни разу не позвонила, ни разу сердце у нее не екнуло. Оправившись от депрессухи, эта дамочка легко захлопнет дверь перед носом такого ничтожества, как я. Еще и возненавидит меня за то, что слишком открылась.

Она печально улыбнулась, чем завершила в моей голове образ чахоточной больной, слабой, прозрачной, трогательно хрупкой.

— Если бы ты знал, сколько раз я хотела тебе позвонить… но тебя не было в справочниках, и вопрос решался сам собой. Я тебя любила… Когда Нанси была маленькой, я ей часто повторяла, что очень любила ее отца… А теперь она меня попрекает чуть ли не каждый день: я ей, видите ли, врала, я кретинка, что не разыскала тебя раньше… И наверное, она права. Но мне надо

было выбирать между родительской поддержкой и твоей, я сделала, как мне казалось, разумный выбор.

Алиса говорила, говорила, пока не доходила до фразы, от которой ей хотелось плакать, тогда лицо ее морщилось, слезы подступали и выливались наружу.

Зазвонил мой мобильник, мы оба вздрогнули. Пока искал куртку, включился автоответчик.

Я напряг слух, надеялся услышать Нанси; мерзкий робот продлил напряжение: «Память вашего телефона может сохранить еще. Не более. ЧЕТЫРЕХ. Сообщений», после чего раздался голос Сандры.

Я перезвонил ей, она спросила:

— Ты где?

Голос дрожал, но психика у нее была устроена, как моя: ощущение хаоса, неминуемой опасности автоматически запускало в ней некую программу действий в чрезвычайных ситуациях. Она была потрясена, но держалась хладнокровно. Я почувствовал, что ее ведет реально, и это меня поддержало. Она взяла все в свои руки.

— Я немедленно еду домой: кто знает, может, она пойдет к тебе.

— ОК. Я боюсь оставить Алису.

Алиса, услышав, что это не Нанси, расслабленно опустилась на диван. В душе я злился на нее: в такую минуту она оказалась дополнительной обузой. И говорила все о себе да о себе. В итоге я вынужден заботиться о ней вместо того, чтобы сесть в такси и объехать город. Она была нетранспортабельна, абсолютно никакая, живая рана. Короче, устроилась так, чтобы занимались опять-таки ею, она не умела реагировать иначе.

Сандра попыталась меня успокоить:

— Она мне рассказывала об одном мальчике, они встречаются уже некоторое время.

— Да? Почему же она мне ничего не говорила?

— Она полагает, что ты суперправильный в этом вопросе.

— Ты должна была мне рассказать.

— Чтобы ты ей мозги компостировал?

— Может, это было бы лучше.

— Он вроде бы с ней мил. Его зовут Саид… Саид и Нанси, прикольно, да?

— Обхохочешься. Где он живет?

— Она не говорила. Я только знаю, что он околачивался возле ее лицея.

— Карманник, стало быть. Ну успокоила…

— Знаешь, парень может воровать «роллексы» и быть при этом вполне симпатичным. А он вроде

бы симпатичный… Ну, как она рассказывала.

Я тотчас вспомнил, сколько раз слышал о «карусели», но раньше мне это было ни к чему.

Нашим детям достался искаженный мир.

Никто не учит их, как жить в мире, кишащем опасностями. О нем не говорят вслух, это совсем не то что выбирать между обувью «Пума» и «Нью Баланс», шоколадом и оранжадом. Мир, к которому мы не готовим детей, поджидает их у порога.

* * *

Светало, Алису расплющило вчистую, она раскисла, под глазами нарисовались черные круги. Я сидел рядом в кресле и заглатывал кофе. Она не замолкала, что-то объясняла срывающимся голосом, изливала душу, жаловалась.

— Конечно же, я жалела, что она появилась на свет, — говорила Алиса с отсутствующим видом и почесывала шею. — Она мне это ставит в упрек, я отрицаю, но на самом деле, разумеется, жалела. Я была к этому не готова. Я еще до ее рождения поняла, что теперь я у родителей в руках и что все для меня кончено. При этом я ее действительно люблю. Без нее было бы еще хуже, она — все, что у меня есть… Но жизнь она мне испортила: я не могла спокойно работать, если трахалась, то так,

чтобы она не слышала, я не могла уйти вечером, не могла предугадать, когда она заболеет, а это случалось всегда некстати… И, понятно, мне не нравится, что она взрослеет, напоминая мне ежеминутно о моем возрасте и о том, что у меня все уже позади и жизнь я свою просрала… Но, черт побери, я хочу, чтобы она вернулась… Она — все, что у меня есть, понимаешь? Мне ничего не удалось, ничего, кроме нее.

Наверное, она ждала, что я скажу: «Нет, нет», но у меня не было сил. Мне претила ее откровенность, получалось как в церкви: признал ошибку, и тебя, считай, простили. Достаточно поистязать себя и пробормотать слова сожаления.

Снова зазвонил мой мобильник, я подумал, что это Сандра, не спеша взял трубу, однако на ней высветился незнакомый номер, начинающийся на 02.

— Здравствуйте, это Брюно Мартен?

* * *

— Алло! Тьерри? Это Брюно. Я тебя разбудил?

— Видишь ли, я работаю допоздна, а сейчас еще нет шести. Ты правильно мыслишь — разбудил.

— Извини, пожалуйста, мне нужна машина, а из моих знакомых она есть только у тебя. Мне

сейчас позвонили из Орлеанской полиции, там задержали мою дочь, мне надо поехать ее забрать.

Я заикался, адреналин разлился во мне, проникая повсюду — в пальцы, в горло, внутри меня прыгал какой-то бешеный комок, сбивал дыхание. Я испытывал невероятное облегчение: Нанси жива, мы знали, где она, улизнуть она не сможет, мы ее скоро увидим. Но более всего я сгорал от нетерпения, хотелось скорее прибыть на место, убедиться, что полицейские ее не обидели, поговорить с ней, быть с ней рядом…

Тьерри мгновенно проснулся, а я-то боялся, что он не поймет, уклонится, найдет предлог. Он был из того же материала, что и Сандра: трудности его вдохновляли. Я услышал, как он прорычал своей подружке: «Заткнись!», а потом мне коротко:

— Выезжаю. Ты где?

— Если хочешь, поведет Сандра, тачку вернем к обеду.

— Я сам тебя отвезу. Я не за машину боюсь, просто так лучше — я поеду с тобой.

Радость захлестнула меня. Напряжение было слишком велико, оно прорвало защитную оболочку, я почувствовал себя обнаженным, я кожей касался мира со всем, что есть в нем доброго и

злого. Ободряющие голоса друзей вытащили меня из кошмара, в который погрузила Алиса; она же не переставала стонать и заламывать руки из-за того, что Нанси сидела в участке и задержали ее в ворованном автомобиле.

Я мигом все сообразил:

— Значит, так: я звоню Сандре, она будет ждать тебя у метро «Барбес» через десять минут. Идет? Потом вы звоните мне, и я спускаюсь с Алисой.

— Алиса тоже едет?

— Я не оформил отцовства, необходимо присутствие матери, чтобы ее выпустили.

Полушепотом я добавил:

— По правде говоря, можно было бы обойтись и без нее.

* * *

На автостраде Тьерри наверстал все свои прошлые грехи, все те случаи, когда его не было в нужную минуту, — он точно самолет вел. Мы поочередно вспоминали эпизоды, когда сами оказывались в участке.

Алиса и тут пыталась нам отравить жизнь:

— Ты как будто гордишься ею.

Сандра ее успокаивала:

— Она жива и здорова, а это самое главное, нет?

Ничего страшного не случилось, в этом возрасте многого не догоняешь… Не стоит драматизировать.

Если честно, мы и в самом деле гордились ею, гордились, что она прошла этот путь. Это хорошо, что полиция научит ее врать, таиться, не доверять властям, презирать их втихомолку и, уставившись в пол, подавлять в себе ярость. Пусть знает, что в любую минуту какой-нибудь кретин может задержать тебя, оскорбить, наказать незаслуженно. Мы в полном их распоряжении. Я не радовался за нее, но и вправду гордился, что она не тряпка. Ну так пусть понимает, на чем оно держится и как устроен этот добрый старый мир.

Я был в отличном настроении. Мне нравилось, что мы мчимся на бешеной скорости, что с моей дочерью все в порядке, что со мной рядом Тьерри и Сандра и что случившееся одинаково подействовало на нас троих: напомнило непутевую юность, наши попытки пробить головой стену и последующие неудачи и наше вечное ха-тьфу.

Алиса нас проклинала, мы выступали против нее единым фронтом, стоило ей открыть рот. Но и она тоже невольно оказалась частью нашей компании, компании очумелых чудаков, взбудораженных проделкой несмышленой девчонки.

* * *

Я был потрясен, когда она вышла из участка с болтающимися шнурками и своими вещичками и, опустив голову, направилась к нам, как приговоренная к электрическому стулу.

В ту ночь я по-настоящему стал ее отцом. Беспокойство и наступившее затем облегчение пробили брешь в моей душе, и в эту брешь хлынула любовь, какой я никогда не испытывал, ни с чем не сравнимая по силе, неугасимая.

Алиса натянула на лицо маску тяжелобольной, она была неподражаема в этой роли. Облаченная в свое благородное страдание, она смотрела на Нанси с ужасом и укором. Какое-то мгновение они стояли друг против друга, потом Нанси взглянула на меня, и я распахнул объятия. Я молча прижал ее к себе, как прижал бы подругу. Почему я, такой понимающий с друзьями, не могу с пониманием относиться к ней? Только потому, что имею право наорать на нее и смешать с дерьмом?

В голове складывалась какая-то нелепая речь:

— Если тебе суждено через это пройти… что я могу тебе сказать? Я не стану любить тебя меньше. Я через это прошел, и теперь я на другой стороне. Я полз, обдирал морду об асфальт, наты-

кался на стены, но я это преодолел…

По крайней мере одно я умел, одному научила меня жизнь: прижимать к груди людей, когда им плохо, делать вид, что мне не страшно, что ничего особенного не происходит, стоять на ногах, когда рушится все вокруг, верить, что еще выкарабкаемся.

* * *

Домой мы возвращались в полном молчании. Дружка своего Нанси оставила в участке: ту машину вел он, и он взял все на себя. Или на него все повесили. Одна лишь Алиса не понимала, что Нанси встретится с ним, как только его выпустят, Алиса предполагала поместить дочь в пансион и пинками под зад наставить на правильный путь. Мы трое молчали и старались как могли дать почувствовать Нанси, что не держим на нее зла, но перепугались сильно. И что, когда нужно, мы всегда будем с ней.

Тьерри отвез нас к Алисе. Мы пили кофе, вяло поглядывая в телевизор. Нанси не раскрывала рта. Только шепнула мне, чтобы я не оставлял ее наедине с матерью. Ей было стыдно, у нее наступила реакция, я никогда не видел ее такой притихшей.

Я пошел на кухню посмотреть, что делает Алиса. Вся сникшая, она стояла у окна. Услышав, что я вошел, повернула ко мне лишенное всякого выражения лицо и прошептала подавленно:

— Я жалею, что разыскала тебя и сказала о ее существовании. Твое появление не мешает ей идиотничать, не мешает меня добивать. Зато ты мешаешь мне воспитывать ее так, как я хочу. Я загнана в угол: с одной стороны она меня судит, с другой — ты. Я в тисках. Я предпочла бы, чтобы тебя не было.

— И что бы ты делала?

— Я бы ее посадила под замок. Кажется, именно этого она и добивается — чтобы ее повязали. Я упрятала бы ее в клинику. Ей нужно быть под наблюдением. Но, полагаю, ты не согласен?

Я воздержался от ответа, опасаясь, что она закатит истерику, от чего никому лучше не будет. Я оставил при себе соображения типа «упрятать в клинику надо тебя». Алиса продолжила наступление:

— Тебе не придется иметь с ней дела каждый день. Жить в постоянном напряжении, вздрагивать всякий раз, когда звонит телефон, ждать, что она еще выкинет. Когда я подхожу к квартире и вставляю ключ в замок у меня душа замирает,

я не знаю, что я застану дома… Теперь еще буду бояться, что ее нет.

— Я могу взять ее к себе, если хочешь. На всю неделю и вообще… Я с удовольствием возьму ее к себе.

Алиса резко выпрямилась, я приготовился к порции оскорблений, однако в глазах ее блеснула заинтересованность:

— Ты это серьезно?

— Вполне… Я, знаешь, не так уж занят.

— Но твой образ жизни…

— Приспособлюсь…

Не скрою, я дико испугался того, что сам же и предложил.

Алиса что-то прикидывала в уме, в ней боролись уязвленность, интерес и недоверие.

Я вернулся в комнату, сел рядом с Сандрой, я бы с удовольствием заглотнул два-три лексомила, но боялся, что вырублюсь, а мамаша за это время упечет куда-нибудь дочь. Нанси держалась поближе к нам и молчала, потрясенная тем, что ее не ругают. Завтра же я поговорю с ней серьезно… От этого разговора меня плющило заранее.

Мы сидели на диване и клевали носом. Я сказал Сандре:

— Тебя, может, ждут. Так иди, мы разберемся…

— Нет, меня больше никто не ждет.

Я взглянул на нее искоса, она почесывала себе бровь, приоткрыв рот, и смотрела в окно на крыши Парижа. Чувствуя, что я ожидаю пояснений, она шмыгнула носом и добавила:

— Достал он меня вчера. Лох он и есть лох.

Я испытал облегчение. В сущности, жизнь не так уж скверно устроена.

Зазвонил телефон. «Ты о чем?» — услышали мы заспанный голос Алисы. Уже в следующую секунду она очнулась, вскрикнула: «Во Всемирный торговый центр?» Потом она еще что-то бормотала, затем резко повесила трубку и вошла в гостиную. Лицо — бледнее прежнего. Я подумал сначала, что у нее проблемы на работе.

Алиса включила телевизор.

Искать нужный канал не пришлось. Горела первая башня. Комментаторы ахали и охали, и тут самолет врезался во вторую. Ну чисто кино: на переднем плане чувак с микрофоном пытается осмыслить, что произошло с первой, и, пока он там разглагольствует, оно — шарах! — по второй. В эту минуту что-то изменилось в мире.

А потом они обе рухнули. У нас на глазах.

Алиса разрыдалась, непроизвольно. Рушился весь ее мир, рушился наглядно. Нанси обняла ее

за плечи; девочку, кажется, тоже торкнуло, но не с такой силой. Просто она привыкла видеть, что старики не выдерживают этой жизни.

Сандра сжала мою руку. Мы думали с ней одно и то же. Говорить об этом здесь и сейчас не стоило. Нам было до ужаса, до боли страшно того, что может случиться дальше. Но все перекрывала радость, что старый мир разваливается ко всем чертям. Ничего хуже его лживой успокоенности наверняка не будет.

Мы все давно изнемогали. Задыхались. Стонали по углам: «Ничего не поделаешь, начальство велело», выли: «Ничего не поделаешь, такова система». Организовано отлично — саморегулирование на всех уровнях. Террор в чистом виде. Надежнейшая из тюрем, куда мы загнали себя сами, так что и надзирателей не требовалось. А малейший проблеск надежды немедленно гасился свинцовым колпаком.

Мы жили с холодным ужасом в сердце, нас заставили поверить, что ничего невозможно и не о чем мечтать. Отчаяние. Пустота. А если лучик надежды — его под свинцовый колпак.

Я смотрел, как Нанси обнимает мать, баюкает ее. Меня больше не пугало, что она поселится с нами. Мне не страшно было ехать с ней к Сандре

и делать все, что от меня потребуется. Я принадлежал к числу людей неприспособленных, которые только в хаосе и обретают себя.

Что-то сломалось. Я взглянул на Нанси, мне было больно за нее. Нашим детям достался искаженный мир… Отпрыски богачей стебались, в ярости вытаптывая все вокруг.

Нанси ошарашенно смотрела на экран. В кои-то веки у нее было сосредоточенное лицо. Потом она сказала:

— Елки-палки, это ж в первый раз: что-то происходит реально и на моих глазах…

В воображении маячила война. Уже столько времени все вокруг сотрясалось, трещало по швам, катилось не туда. Отчетливо рисовались развалины, дым, засады, кровавые репрессии и прочая чертовщина по нарастающей. Все прежнее окажется в таком случае предвоенным периодом, и скоро трудно будет поверить, что мы в нем жили. Картина получалась возбуждающая и ужасная. Не глядя на Нанси, я протянул ей руку.

Я представил себе, что за морока воспитывать ее до двадцати лет. Бессонные ночи, непредвиденные выходки, дурные знакомства, вранье, сомнения, постоянное беспокойство…

— Знаешь, я чертовски рад, что ты со мной.

Надо радоваться тому, что в жизни есть что-то стоящее, и не бросаться им.